

Н А Т А Л Ь Я

АНДРЕЕВА

НИЧЕГО
ЛИЧНОГО

★ ЭРА СТРЕЛЬЦА ★

Наталья Вячеславовна Андреева

Ничего личного

Серия «Эра Стрельца», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=632137
Ничего личного : роман / Наталья Андреева: АСТ; Москва;
ISBN 978-5-17-101873-3

Аннотация

Корпоративная вечеринка фирмы «Алексер» заканчивается весьма необычно... убийством коммерческого директора. Так как вечеринка проходила в закрытом загородном клубе, то нет сомнений, что убийца кто-то из сотрудников. Он весь вечер был веселым и приветливым, вместе со всеми шутил и танцевал, а сам строил чудовищные планы. Жутковатая новогодняя ночь получается!

По счастливой случайности среди приглашенных оказывается следователь Алексей Леонидов. Собственно, ему и карты в руки! Только странно ложатся эти карты: все показывают на его лучшего друга.

Содержание

Вместо пролога	4
Глава 1	15
Глава 2	36
Глава 3	58
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Наталья Андреева

Ничего личного

Вместо пролога

По всем народным приметам эта зима должна была выдаться суровой. Ветви рябин клонились к земле под алыми гроздьями крупных ягод, птицы рано улетели на юг, да и сильные заморозки ударили еще в сентябре. И поначалу все к тому и шло. К суровой зиме. Но...

Морозы продержались только до середины декабря, а потом создалось ощущение, что наступила весна. Потому что пошел самый настоящий дождь. Ливень. Разумеется, к борьбе со стихией подготовились. И морально и материально. Снегоуборочная техника была на ходу, батареи в домах жарили вовсю. А за окном шел дождь, температура держалась плюсовая, и даже по ночам. Люди задыхались от жары в своих квартирах, снегоуборочная техника простаивала, дожидаясь своего часа.

Люди отчаянно ругали зависший над материком циклон. И принесла нелегкая! А скоро Новый год! Под таким дождем и предпраздничная беготня по магазинам не доставляет радости. Снега бы сейчас. Снега... Маленькой человеческой радости. При *такой* жизни *такая* погода не добавляет оп-

тимизма.

Так думал Алексей Леонидов, вернувшись с работы. Мокрый и злой. Кроссовки развалились еще в октябре, и в преддверии суровой зимы он купил теплые ботинки. Высокие. На меху. В этих ботинках, отчаянно их жалея, он топал сегодня по лужам и ругал метеорологов, народные приметы, циклон, начальство и себя, идиота. Лучше бы надел дырявые кроссовки. Вылечить простуду дешевле, чем купить новые зимние ботинки. Если лечиться народными средствами. А народного средства возвращать к жизни развалившуюся обувь, увы, не существует! Это, как говорится, к терапевту.

Утешало одно: жена пожалеет, согреет, накормит ужином. Сейчас он примет горячую ванну, выпьет рюмку водки, наестся до отвала и жизнь наладится. Таково ее свойство в условиях комфорта: налаживаться.

В начале осени он переехал к жене, в однокомнатную. Под Новый год они собрались расписаться, то есть, говоря пафосным языком, оформить отношения официально. Поскольку развод Александры официально состоялся.

Леонидову на официоз было наплевать, но жена работала в школе, и была она человеком ответственным и по жизни правильным. Что компенсировало его собственное разгильдяйство. Словом, они друг друга дополняли.

Зимний вечер прошел в теплой и дружественной обстановке. Высокие стороны поужинали, обменялись впечатлениями о событиях прошедшего дня, обсудили новости спор-

та, природные катаклизмы, в девять уложили сына спать и в десять улеглись сами. Саша смотрела сериал, Леонидов дремал. В принципе он был против сериала, но конфликтовать не хотелось. На сегодня лимит конфликтов был исчерпан. Спасибо погоде! Если бы на улице шел снег, он бы подал голос в защиту собственных прав. Как полноправного члена семьи. Член семьи имеет право игнорировать тот телевизионный канал, который его имеет.

Увы! В единственной комнате был один телевизор. И один телефон, который вдруг зазвонил.

– Леша, это тебя, – легонько толкнула его в бок Александра.

– Почему это меня? – ворчливо сказал он. – Может, тебя?

– А может, меня? – высунулся из-под одеяла Сережка.

– Ты – лежи, – велела Саша. – Тебе давно пора спать. Алексей, ты подойдешь, наконец, к телефону?

– Наконец, – он высунул ногу из-под одеяла. – Где мои тапки?

– О боже! Пальто не подать? В квартире – жарница!

И она резко сдернула с него одеяло. Леонидов босиком прошлепал к телефону и, взяв трубку, грустно сказал:

– Алло?

Больше всего ему не хотелось, чтобы звонили с работы. То есть меньше всего хотелось, чтобы оттуда звонили. Это уравнение он составил по дороге домой. В набухших от воды зимних ботинках.

Если это с работы, он сам сегодня ночью кого-нибудь убьет. К его удивлению, в телефонной трубке раздался женский голос. Вообще-то, женщины в его жизни – это было не удивительно. И то, что они звонят, тоже. Но – сюда? С позорным прошлым покончено. Навсегда.

Женщина была предельно вежлива. То есть предела ее вежливости не было, поскольку она обратилась к нему по имени-отчеству:

– Алексей Алексеевич?

– Да, именно.

– Вас беспокоит Ирина Сергеевна Серебрякова. Не разбудила?

Ах, да! Ну конечно! Ему знаком этот голос! Он стоит целое состояние! Вернее, его обладательница, которая продолжала:

– В сентябре этого года вы расследовали убийство моего мужа. Помните?

– Еще бы! – Ее покойный муж, то есть дело об его убийстве, стало причиной знакомства с Александрой. Алексею этого не забыть никогда! – У вас что-то случилось?

– Вы ведь были в нашем офисе. Разговаривали с сотрудниками. Помните? – уклончиво сказала Серебрякова.

Ему ли этого не помнить! И не только с сотрудниками, но и с бывшими сотрудниками он разговаривал. Некоторых даже подозревал. В убийстве шефа.

– Да. Я помню, – вздохнул Алексей и со вздохом повторил

свой вопрос: – У вас что-то случилось?

– Ситуация еще больше осложнилась. В связи с этим я охвачена беспокойством. Видите ли, Алексей Алексеевич, фирма решила организовать отдых сотрудников в рождественские каникулы: неделя в санатории, который находится в лесу, под Москвой. Нелегкая задача вывезти туда тридцать человек, враждующих между собой.

– Ну не везите.

– Мне хотелось бы уладить возникший конфликт. Ничто так не сближает, как... м-м-м... совместный отдых.

«Коллективная пьянка, – мысленно прокомментировал Алексей. – Хочет, чтобы они под Новый год напились, потом переругались, а потом добавили и начали обниматься. Перецеловались и друг друга простили. Не выйдет! Не тот случай!» Но вслух он сказал:

– Да, вы правы.

– В связи с этим у меня к вам просьба.

– Хотите навязать мне роль рефери в предстоящем боксерском поединке? – мрачно пошутил он. Леонидов был в курсе: сотрудники фирмы разбились на два клана. И ни одному откровенно он не симпатизировал. Может, этим и объясняется ее выбор? Судья должен быть беспристрастным.

– Ну, в некотором роде. Вы так блестяще разоблачили убийцу моего мужа, и при этом невинные люди не пострадали. – (Польстила!) – Я перед вами в долгу. Хочу предложить вам, Алексей Алексеевич, поехать с нами в санаторий.

Там, кстати, великолепная спортивная база: бассейн, сауна, лыжи, волейбольная площадка и теннисный корт. Отдохнете, поплаваετε, поиграете в теннис...

– Теннис – игра богатых, – буркнул он. – А я в детстве занимался легкой атлетикой.

– Как мило! Вы метали копье? – обнаружила вдова чувство юмора.

– Почти. Я разрывал грудью ленточку на финише. Средние дистанции. К тому же я недавно женился.

– Да? После того как пробежали среднюю дистанцию, нашли, наконец, свою ленточку? Вам ведь за тридцать. Что ж... Поздравляю! Так это же прекрасно! Проведете неделю в санатории вместе с женой. Замечательный отдых!

– У нас еще есть сын семи лет.

– Что вы говорите! Как быстро дети нынче растут! Не успели жениться, сыну семь лет! – вновь пошутила Ирина Сергеевна. Видимо, у нее сегодня было прекрасное настроение. Несмотря на то, что фирму буквально раздирали на две части. – Что ж, и это не проблема. У многих наших сотрудников есть дети приблизительно такого же возраста, у вашего мальчика будет прекрасная компания для игр. Двухместный номер вас устроит?

– Меня устроит все, кроме общества ваших сотрудников. Знаете, Ирина Сергеевна, у меня до сих пор неприятный осадок в душе. И я не знаю, как вам помочь. Пересажать их я не могу, ничего криминального они не совершили. Пока, –

со значением добавил он.

– Вот из-за этого... Алексей Алексеевич, я вам буду очень обязана... – тихо сказала вдова. – При вас они не посмеют. И вы приедете как частное лицо, как мой гость. Кстати, справедливость восстановлена. Я насчет уволенных. Думаю, вам будет приятно узнать: Глебов снова у нас работает, и Аню Барышеву я тоже пригласила в санаторий вместе с мужем. Хочу, чтобы с Нового года она опять начала работать в магазине. Менеджером, – уточнила Серебрякова.

– Я за них рад.

– Так вы поедете?

– А чего вы конкретно боитесь? Драки?

– Если бы это... В офисе такая атмосфера, как будто что-то должно случиться. Словно гроза надвигается. Если все обойдется, то и слава богу! Прекрасно все отдохнем, встретим Новый год, и через неделю помирившиеся, довольные разъедемся по домам. Поймите, мне больше не к кому обратиться. Не в частное же детективное агентство!

– Мне надо обсудить это с женой. Она ведь никого из ваших сотрудников не знает. Да и ко мне они вряд ли питают дружеские чувства.

– Конечно, конечно! Посоветуйтесь, все обдумайте. Там прекрасные условия, трехразовое питание, лыжная база.

– Соблазняете меня?

– Уговариваю.

– А как с транспортом? Этот ваш санаторий находится в

лесу, на чем туда добираться простым смертным? Безлошадным?

– Я еду одна. И вас с семьей, конечно, захвачу. Подумайте до завтра и обязательно позвоните. Мы будем заказывать путевки заранее.

– Спасибо, Ирина Сергеевна, мы подумаем. – Леонидов уже хотел повесить трубку. Он твердо решил, что откажется, когда Серебрякова, словно почувствовав это, вдруг сменила интонацию:

– Алексей!

– Да?

– Я вас очень прошу.

– Я позвоню.

Он повесил трубку. Что-то ей надо от него. И что-то она недоговаривает. Он вопросительно глянул на жену. Саша сидела, подтянув колени к подбородку, и смотрела на него круглыми от удивления глазами. Звук у телевизора был выключен, герои мелодрамы шевелили губами, как рыбы, выброшенные из воды на сушу. Беззвучно. Суть вещей от этого не менялась. Симпатии к ним Леонидов по-прежнему не чувствовал. Его бы кто пожалел!

– Кто это? – спросила Саша.

– Все слышала?

– Да, а кто это?

– Вдова Александра Серебрякова. Помнишь такого?

– Еще бы! А чего ей надо?

– Шоколада. Приглашает на халяву в увлекательную поездку. За город, в очень зимний лес. В санаторий. Трехразовое питание и бассейн. Мною собираются трехразово питаться. В том числе и в бассейне. У этих людей хороший аппетит.

– Леша, твоей жизни угрожает опасность?!

– Как и всякой другой. Успокойся. Я просто должен за ними присмотреть. Чтобы не наделали глупостей.

– Леша! Бассейн!

– И сауна. И лыжная база.

– Хочу! Так дома надоело! А что, совсем-совсем бесплатно?

– Знаешь про уксус, который на халяву? Сладкий-то он сладкий, но все равно уксус. Желудку от него пользы никакой, одно расстройство и изжога. Не знал, что ты такая жадная, а еще преподаватель словесности! Чему тебя только учит родная литература?

– Знаешь, я тоже человек, – надулась Александра. – И не забывай: в этот Новый год мне даже не к кому пойти. Все мои родные...

– Прости, родная. Ты права: тебе надо отвлечься.

– Поедем, Лешечка.

Одеяло на стоящей у стены кушетке шевельнулось. Леонидов пригляделся: из-под него торчал любопытный нос. Сережка внимательно прислушивался к разговору. Еще бы! Уснет он! Сколько развлечений для ребенка в санатории!

Имеет он право отказаться?

Сколько же может стоить такой отдых? Да под Новый год, когда цены на отдых взлетают до небес? Серебрякова просто благодетельница, а он нос воротит! И она права: не будут же эти люди при нем друг друга убивать? Зная, что он – сотрудник милиции и гениальный сыщик.

Если же он не поедет... Леонидов вздохнул: по телевизору шел сериал.

– Хорошо, – сказал он. – Мы едем. Я позвоню Ирине Сергеевне: пусть заказывает номер и на нашу долю.

«Ура!» – раздалось из-под одеяла. Александра тоже откровенно обрадовалась. Ее милое лицо порозовело.

Он чмокнул жену в нос и тихо сказал:

– Спи.

А сам пошел на кухню. Плотно прикрыл дверь, потихоньку, чтобы не услышала жена, открыл холодильник, налил себе рюмку водки, залпом выпил и устался в окно. Ну вот оно и вернулось. На круги своя. Саша многого не знает. Ей и так хватило, зачем лишний раз расстраивать? А Серебрякова права: что-то будет. После того, как дело об убийстве ее мужа было закрыто и направлено в суд, у Леонидова оставалось впечатление незавершенности. Недоговоренности. Или недоделанности?

Серебрякова убил не сотрудник его же фирмы. Бизнесмена просто использовали. Но если бы этого не случилось, «свои» могли избрать тот же путь. Теперь король умер. А

нового нет. Претендентов на трон двое. Начинается междоусобная война. А Серебрякова их мирить собралась!

Он должен к этому вернуться.

Вечером следующего дня Алексей позвонил Ирине Сергеевне, чей номер домашнего телефона еще хранил в своем толстом блокноте. Словно предчувствовал: пригодится.

– Ирина Сергеевна? – сказал он. – Леонидов беспокоит. Я принимаю ваше предложение. Спасибо за приглашение. И от жены. Когда заезд?

– Спасибо вам. Вечером первого января я вас захвачу. К сожалению, раньше достать путевки не удалось. Праздники, все места заняты. Так что мы едем первого и в санатории будем встречать Рождество.

– Тоже хорошо!

– И я так думаю. Будьте готовы к пяти часам. Где мне вас подхватить?

Они согласовали станцию метро, у которой встретятся. На прощанье Серебрякова сказала:

– Еще раз спасибо, что согласились на поездку. Теперь я успокоилась. До встречи, Алексей Алексеевич.

У Леонидова оставалось еще две недели, чтобы договориться об отпуске, который он в этом году так и не брал. Или о неделе в счет отпуска. Или об отгулах в счет будущих отгулов. Как угодно. Когда-то и ему надо отдыхать. Тем более что он теперь женатый человек.

Глава 1

Заезд

С самого утра первого дня жизни новорожденного года обстановка в доме Леонидовых была чрезвычайно нервной и напряженной. Высокие стороны занимались дележкой багажных мест.

– У меня только две руки, – заявил Алексей, глядя, как жена перебирает джинсы, кофточки, свитера, туфли, кроссовки... И посоветовал: – Возьми вечернее платье.

– Но на улице зима!

– Оно легкое и занимает мало места.

– Ты меня не слышал?

– А ты меня?

– Я не глухая!

– А я не верблюд!

– Мы же поедем на машине!

– Неисповедимы пути Господни, – философски заметил Алексей.

– Ты думаешь, она сломается?

– Сломаюсь я, если *все это* мы возьмем с собой, – и он кивнул на гору вещей. – Кстати, в вечернем платье ты будешь выглядеть прелестно. Оно тебе идет.

Саша бросила на мужа гневный взгляд: лстец! Леонидов

пожал плечами: чего только не сделаешь ради облегчения собственной участи! А участь его была незавидна: тащить багаж. В метро. То есть и в метро тоже.

Наконец, определились. Все вещи, которые могли понадобиться в загородной поездке, были отобраны. Проблема была в том, что в отобранные сумки они не лезли. Леонидов принялся их уминать. И увлекся процессом. Протаскивал верблюда в игольное ушко. Верблюд, то есть чемодан, плевался вещами, которые лезли обратно.

– Леша, что ты делаешь! – не выдержала жена. – Дай-ка я сама!

– Сама ты выкинешь *мои* лишние вещи. А свои оставишь.

– Потому что у меня лишних вещей нет.

– Без ссоры, без спора выкидывайте мои вещи! – жизне-радостно крикнул Сережка.

– Ну уж нет! – сказали они хором, и Леонидов, как всегда, уступил. Он был мужчина. И знал заранее, что как мужчине ему придется уступить. Потому что его лишние вещи в чемодане и в самом деле были.

«Я же гениальный сыщик! – ликуя, подумал он. – Я умею просчитывать ситуацию!»

Ах, как он был самонадеян!..

...Покойный А. С. Серебряков отличался редкой пунктуальностью. Которая и стала одной из причин его трагической гибели. Пунктуальность Ирина Серебрякова унаследовала у мужа вместе с его огромным состоянием. Не боясь послед-

ствий.

Ее «Пассат» подъехал к метро ровно в семнадцать ноль-ноль. У Леонидова создалось впечатление, что вдова ждала за углом, глядя на часы. «Пассат» был загружен доверху. Багажник до отказа заполняли картонные коробки, в которых что-то обнадеживающе позвякивало. В салоне тоже стояли сумки. Фирменные пакеты из супермаркета, баулы, свертки... Места для пассажиров оставалось не много.

Леонидова посадили на переднее сиденье, а на колени ему водрузили огромную коробку с тортом. Жена и сын пристроились на заднем, между сумок.

– Караван тронулся! – ликуя, сказал Сережка, когда «Пассат», наконец, поехал.

Ирина Сергеевна улыбнулась, Алексей обернулся. Караван? Нет, за ними никто не следует. У ребенка просто разыгралось воображение. А правильно он сделал, что согласился на поездку! В нынешней жизни так много места подвигу и так мало простой человеческой радости.

Пока они ехали, у Алексея просто язык чесался расспросить вдову. Каковы подробности? И что осталось за кадром дела Серебрякова? Но Ирина Сергеевна работы упорно не касалась. Разговор шел на общие темы. А более благодатной темы, нежели погодные катаклизмы, этой зимой, не было. Хит сезона!

Потому что за неделю до Нового года все ж таки ударили морозы. И как всегда неожиданно. Будто и не зима. Ма-

ло того: повалил снег. И какой! Снегоуборочная техника во время длительной оттепели была эвакуирована и теперь застряла на подступах к городу. Создав аварийную ситуацию, городское коммунальное хозяйство кинулось совершать очередной подвиг. Леонидов же вез семью вкушать маленькие человеческие радости. Вернее, его везли. Вместе с семьей.

Обсудив погоду, все резко замолчали. В салоне «Пассата» возникло напряжение. Поскольку темы для беседы были исчерпаны, Леонидов привалился к торту и сделал вид, что дремлет. Доехали часа за два. Он увидел верхушки высоких елей и встрепенулся.

Санаторий находился в глубоком лесу, вдали от шоссе-ных магистралей. Последние два километра дорога пролегла среди елового леса. И дорога эта была проселочной. Только что по ней дважды проехал трактор, прокладывая в глубоком снегу широченную борозду. Машина ехала по ней, словно прогулочное судно вослед ледоколу, по оба борта застыли ледяные айсберги.

Было красиво, но жутковато. Леонидов трусом себя не считал, потому прижал к сердцу торт и взбодрился. Ежели что, голодной смертью они в этом лесу не умрут. Да и выпивки хватает. Луна, как огромная люстра, висела над верхушками елей, ее сияющий золотой абажур окружали крохотные лампочки – звезды. Иллюминация и впрямь была новогодней!

Наконец показались огоньки жилых домов. Они подъеха-

ли к проходной, возле которой, но с той стороны, за забором, уже стояло несколько машин.

Ирина Сергеевна, улыбаясь, сказала:

– Ну вот мы и приехали!

К «Пассату» уже шла женщина в валенках, вязаном платке и огромной лохматой шубе.

– Вы кто? – спросила она не приветливо.

– Фирма «Алексер». У нас заказано. Тридцать мест.

– Сейчас открою. Проезжайте.

И сторожиха загремела огромными чугунными воротами. «Пассат» въехал на территорию санатория. «Лебедь», – успел прочитать Алексей над воротами.

– Пойдемте ключи получим, а потом уже будем вещи переносить, – сказала Ирина Сергеевна, вылезая из машины.

– Вам в главный корпус, – буркнула сторожиха, поправляя сбившийся платок на голове. Борьба с чугунными воротами ее утомила.

– В главный, так в главный! – весело сказал Алексей и подмигнул жене: новогодние приключения начинаются!

К двухэтажному строению, которое громко называлось «главный корпус», вела расчищенная дорожка, по которой двое могли пройти, только крепко обнявшись и прижавшись друг к другу. Алексей, который не был настолько близок с Ириной Сергеевной, скромно пошел позади.

В холле первого этажа, за стойкой администратора дремала хорошенькая блондинка. Видимо, ее новогодняя ночь вы-

далась бурной. Растолкать девушку удалось с трудом. Узнав, что вновь прибывшие хотят ключи от своих номеров, она зевнула и полезла в свои записи.

– Ирина Сергеевна Серебрякова?

– Да. У меня люкс. А на Леонидовых забронирован двухместный номер.

– Не беспокойтесь, у меня все записано, – и блондинка широко зевнула. Потом потянулась за ключами: – Вот ваш, от люкса. А вот от двухместного. Мальчику сколько лет?

– Он еще в школу не ходит, – зарумянившись, сказала Саша. Сережка хмыкнул: мама врет.

– Питаться будет с вами?

– Как? – не понял Леонидов.

– Я говорю: питаться он будет?

– Все будут, – весело сказал Алексей. – Питаться надо.

– Сколько вас человек? – зевая, поинтересовалась блондинка.

– Тридцать.

– Бог ты мой! Так много! – И она вновь полезла в записи. Потом удивленно сказала: – И в самом деле: тридцать. Вас всех разместили в один коттедж. Самый дальний, у леса. Чтобы другие отдыхающие не жаловались. Такие, как вы, производят много шума. Пойдете по дорожке, все прямо и прямо. Увидите коттедж. На нем написано: номер шестнадцать.

– Сигнальные огни случайно не повесили? – съязвил Лео-

нидов. – В таком лесу, да в такой темени и заблудиться немудрено!

– Чего? Какие огни? Не заблудитесь. Если упретесь в забор, значит, дальше вам не надо. Давайте заселяйтесь, что я вас, до ночи буду караулить? На ужин вы уже опоздали, завтрак в девять, не опаздывать.

– Спасибо, мы постараемся.

Так же, гуськом, они вернулись к «Пассату». Леонидов обвесился сумками и в самом деле стал похож на верблюда. Остальные тоже взяли какие-то пакеты. Когда компания проходила мимо главного корпуса, на крыльце появилась зевающая блондинка, которая махнула рукой в сторону леса:

– На аллею сейчас выйдете – и до конца, пока не упретесь.

– Я, пожалуй, сейчас упрусь. Руки уже отваливаются, – буркнул Леонидов.

– Кто-то из наших наверняка уже там, – утешила его Серебрякова. – Можете часть сумок оставить здесь, ребята заберут. Главное побыстрее все это съесть, пока не испортилось.

– Если это еда, то я, пожалуй, сам понесу. Проголодался.

Леонидов подтянул сползающий с плеча ремень баула и зашагал на аллею, которая должна была упереться в коттедж за номером шестнадцать. Мороз был градусов пять, не больше. На территории лесного санатория стояла такая тишина, что казалось – уши заложены ватой. Они шли на огни дальнего коттеджа, снег поскрипывал под ногами. Алексей поду-

мал: «А хорошо! Боже! Хорошо-то как!»

Коттедж возвышался, словно огромный океанский лайнер посреди моря ледяного безмолвия. И многообещающе светил окнами-огоньками. Обещая еду и тепло. Это было добротное строение из красного кирпича, двухэтажное, но с надстройкой: щитовой мансардой. Крыша была высокой и покато́й. На двери Алексей увидел огромную цифру: 16. Он толкнул дверь, которая оказалась незапертой, и оглянулся на женщин:

– Ну, вот мы и пришли! Заходите!

В холле первого этажа было пусто. Леонидов поставил на пол сумки и перевел дух. Женщины достали ордера, в которых были указаны предназначенные им номера.

– Это на втором этаже, Ирина Сергеевна, здесь заканчивается десятый! – крикнула Александра, скоренько пройдясь по первому этажу.

– Неужели мы первые? – удивленно спросила Серебрякова. – А почему тогда входная дверь открыта?

Они поднялись на второй этаж и попали в огромный холл. Что ни говори, апартаменты были неказистыми. Возле стен в ряд стояли обшарпанные диваны с выцветшей обивкой, посередине очень одинокий журнальный столик. Больше из мебели ничего не было.

– Все, что удалось достать, – развела руками Серебрякова. – Но почему же так мало мебели?

– Ее предусмотрительно убрали, – улыбнулся Алексей. –

Либо новогодняя ночь была бурной, и это остатки роскоши. Будем надеяться, что в номерах найдутся стулья и столы.

– Я думаю, что столы можно накрыть в холле, – сделала вывод Ирина Сергеевна. – Самое главное, что места много.

– Да. Уж чего-чего, а места здесь хватает! – поддержал ее Алексей.

Вдруг где-то в недрах огромного коттеджа открылась дверь, раздались легкие шаги, и в холл выбежала румяная светловолосая девочка.

– Даша, ты куда? – раздался женский голос, всем прочим наклонениям родной речи предпочитающий повелительное.

Серебрякова обрадовалась и спросила:

– Дашенька, вы уже здесь? Приехали?

На вопрос ответила ее мать, появившаяся в холле:

– Да с полчаса уже. Как доехали, Ирочка?

– Катя! Я так рада!

Дамы обнялись и сдержанно расцеловались. Леонидов с семьей был тут же представлен холеной даме. Она оказалась близкой подругой Ирины Сергеевны, Калачевой Екатериной Леонидовной. Алексей оценил ее одежду, купленную в дорогом магазине, и бриллиантовые украшения в ушах и на пальцах. Итак, подруга.

– А где Илья? – поинтересовалась Серебрякова

– Да в номере! Где ж ему быть? – недовольно сказала холеная дама. – Не успели приехать, уже к телевизору приклеился! Как будто дома телевизора нет!

Обсудить Илью женщины не успели. Потому что в холл ввалилась шумная компания. Молодежь в ярких куртках, вязаных шапочках и джинсах. Увидев огромный пустой холл, они восторженно загалдели:

– Ух ты!

– Красота!

– Вот где танцы устраивать!

– Здравствуйте, Ирина Сергеевна!

– Добрый вечер!

– С Новым годом!

Боковым зрением Алексей уловил, что у Калачевой такое выражение лица, будто больше всего на свете ей сейчас хочется заткнуть уши. А Серебрякова улыбалась.

– Здравствуйте. С Новым годом! – сказала она, обращаясь сразу ко всем.

– Сегодня будет грандиозная дискотека! Как плясать хочется, мальчики! – крикнула очень хорошенькая девушка с короткой стрижкой. Рыженькая.

«Мальчики» дружно засмеялись. Леонидов напряг память. Надо срочно идентифицировать личность, тем более рыженькая на него косится. Встречались. Это Наталья Акимцева, помощник бухгалтера.

– Здравсьте, – шутливо поклонился он.

– Привет! – радостно ответила рыженькая.

«Есть контакт!» – восторженно подумал Алексей и тут же поймал взгляд Саши. Ох и взгляд! И пожал плечами: а я что?

я ничего!

Серебрякова обратилась к вошедшим:

– Ну, как добрались, молодежь?

– Замерзли, Ирина Сергеевна!

– Долго ехали!

– А где двадцатая комната? Как расположены номера?

– Последняя справа, – подсказал уже сориентировавшийся в планировке здания Леонидов и протянул руку стоящему к нему ближе всех молодому человеку:

– Алексей.

– Юра, – представился приятный во всех отношениях молодой человек, пожав ему руку. Смазливый, модно и дорого одетый. Леонидов был уверен, что раньше они не встречались. Взять на заметку.

Тем временем к нему подошли другие. Этих двоих он в «Алексере» видел, но имен не помнил. То есть по делу об убийстве Серебрякова они не проходили. Значит, надо знакомиться. Один представился Костей, другой Андреем. Память у Леонидова была профессиональная. Имена он запомнил. Хотя тридцать человек... Ориентироваться будет трудно.

Трое парней дружно потащили в девятнадцатый номер яркие спортивные сумки внушительных размеров. Молодежь расселялась согласно списку.

В течение следующего часа народ продолжал прибывать небольшими партиями. Некоторых из вновь прибывших

Леонидов знал достаточно хорошо. Он довольно холодно раскланялся с Павлом Сергеевым, коммерческим директором, и еще холоднее с его любовницей Норой, а по паспорту Еленой. Ее паспорт Леонидов держал в руках, когда расследовал убийство Александра Серебрякова, а Елена Сергеевна Прохорова проходила по делу об убийстве – свидетелем. Точнее, Нора сделала вид, что его не узнает. Учитывая, как они расстались, это было неудивительно. Возобновлять знакомство он не жаждал.

Алексей, лихо, по-гусарски, подмигнул секретарше Сергеева, Марине. В ответ она рассмеялась. Блондинка Оля доброжелательно сказала «привет», чем вызвала ревность Саши. Девушка была очень уж хороша. А вот с Валерием Валентиновичем Ивановым Алексей обменялся приветствиями напряженно. Именно так. То есть управляющий смотрел на него волком. Еще бы! Когда-то Алексей подозревал его во всех смертных грехах. И даже пытался воспитывать. Короче, они не расстались друзьями.

Затем приехали семейные. Две женщины, у каждой из которых было при себе по дитяти. Одна оказалась главным бухгалтером, другая поварихой, причем первая была невероятно толстой, а вторая невероятно худой, можно было подумать, что они случайно перепутали должности. По логике вещей, толстой должна была быть повариха. Леонидов поздоровался и с ними. Главного бухгалтера он знал.

Потом объявился сияющий Глебов и энергично затряс

ему руку, выражая признательность. «Да за что?» – отнекивался Алексей. «Знаю, знаю, вы говорили обо мне с Ириной Сергеевной. Я вам обязан», – не унимался Глебов. Алексей почувствовал усталость. Народ все прибывал, от незнакомых и знакомых лиц в глазах рябило.

Когда наконец появились Барышевы, Леонидов вздохнул с облегчением: такая компания его очень даже устраивала! Познакомившись в сентябре, они вскоре стали друзьями. Высокенький, почти двухметрового роста Серега так стиснул ему ладонь, что Леонидов слегка присел.

– Здорово, сыщик! – усмехнулся Барышев.

– Ты руку-то отпусти, чемпион, и не ори так громко: я не на работе. Какими судьбами?

Алексей сделал вид, что появление Ани, которая не является сотрудницей фирмы, для него неожиданность. Рано пока раскрывать карты. Хотя Серегу он сразу определил в союзники. На такого мужика, как Барышев, всегда можно рассчитывать.

– Не поверишь! – сказал тот. – Серебрякова грехи замаливает. Обещала после рождественских праздников взять Аню обратно на работу, а пока предложила присоединиться к компании. Отдохнуть в санатории. Улавливаешь?

– Всяко. Анечка, здравствуй!

– Здравствуй. – Светленькая Анечка застенчиво выглядывала из-за широченной квадратной спины мужа.

– А я тоже успел жениться! – жизнерадостно сказал Алек-

сей. – Где там моя звезда? Саша! Знакомься: Аня, Сергей. Самые приятные люди в этой компании. Не считая, конечно, меня, – тихо добавил он.

– Постой-ка. Чего ж на свадьбу не позвал? – нахмурился Серега.

– Так не было еще.

– А ты здесь какими судьбами? Насколько я знаю...

Объясняться немедленно Алексею не пришлось. В холле раздался призыв смазливого Юры:

– Ну что, народ? Замерзли же все! А мнутся! Давайте примем по десять капель для согрева? Где там у нас горячее?

– В моей машине. – Серебрякова достала из сумочки ключи. – Прежде придется ее разгрузить. Там полный багажник еды. И в салоне...

Парни, не дослушав, подхватили ключи и полетели вниз по лестнице. Коттедж огласил их призывный клич.

Вскоре они принесли сумки, и работа в холле закипела. Женщины принялись вскрывать пакеты, резать, раскладывать, расставлять... Мужчины пошли по номерам, выносить мебель. Появились столы, кресла, стулья...

К половине десятого в холле появился накрытый стол, составленный из десятка небольших столов, принесенных из номеров. На столе была расставлена и разложена одноразовая посуда: тарелки, стаканчики, вилки, ложки. Женщины торопливо доделывали бутерброды с мясом, рыбой, икрой. Крупные красные икринки то и дело соскальзывали с ножей

и орошали грязный затапанный пол. Мужчины со смехом открывали бутылки. Все, кроме шампанского.

Словом, процесс подходил к завершению. К этому времени прибыли все, кто был в списке. И действие сопровождалось приветственными криками, шутками, смехом, звяканьем бутылок и воплями магнитофона. Из двенадцатого номера люкс вышел, наконец, толстый, вальяжный Калачев в костюме «Адидас». Народ его проигнорировал, поскольку в фирме он не работал, но Калачев с начальственным выражением на лице занял место во главе стола. И ждал, когда процесс подойдет к концу.

Валерий Иванов тоже сидел как в гостях, с сумками не бегал, мебель не носил, бутылки не открывал. Его светлые глаза, похожие на льдинки, внимательно следили за сотрудниками. Словно управляющий мысленно калькулировал: кто какой вклад внес в *наше общее дело*.

Леонидов с тоской смотрел на накрытый стол. И думал при этом: надо пить. Под такую закуску, да еще и первого января, не выпить нельзя. Тем более в отпуске. Если же он выпьет, то расслабится. После такой беготни, да с мороза, да на голодный желудок... А если он расслабится, ситуация может выйти из-под контроля. А если ситуация выйдет из-под контроля...

Словом, его раздирали противоречия. Ровно до той поры, пока Калачев не потянулся к стоящей поблизости бутылке шампанского. Все приняли это как сигнал и шумно ста-

ли рассаживаться. Разумеется, Алексей сел рядом с Сергеем. Справа к его плечу прижалась румяная от волнения и суеты Саша.

– У всех налито? – торжественно спросил Калачев.

«И чего он тут распоряжается? – подумал Леонидов, наливая в стакан с водкой апельсиновый сок. Чтобы уж если, то не сразу. – И, главное, Иванов молчит. Отдает ему инициативу. Ну, с ним понятно. Человек осторожный. Раз Серебрякова не возражает, значит, так надо. Но почему молчит Паша Сергеев?» В голове шевельнулась мысль, показавшаяся значительной. Додумать ее Алексей не успел. Калачев завершил витиеватый тост, и все выпили по первой. Потом дружно потянулись к закускам.

Все так замерзли и проголодались, что за первой тут же последовала вторая. Саша с наслаждением потягивала шампанское. Алексей знал, что она безумно любит шампанское, но баловал жену редко. Но сегодня сам бог велел.

Он вздохнул и потянулся к бутылке водки. На этот раз апельсинового сока в стакане было гораздо меньше.

Дальше все закружилось, как в калейдоскопе. Спиртное до желудков дошло гораздо быстрее, чем закуска, и уже через полчаса в холле всюду гремела музыка, а молодежь начала снимать с себя куртки и свитера. Алексей почувствовал, как перед глазами все поплыло. В голове осталась только одна мысль: «А хорошо! Хорошо-то как!» Все же остальные, тем более разумные, куда-то исчезли. То есть не куда-то. Раство-

рились в спиртном.

Какое-то время он еще пытался следить за гостями. Но тридцать человек! В такой круговерти! Кое-что Алексей понял.

Например, он понял, что Паша Сергеев явно решил напиться. Нора кусала ярко покрашенный рот и несколько раз пыталась сказать ему что-то злое. Но коммерческий директор, судя по всему, уже вошел в штопор и отмахивался от нее, как от надоевшей мухи, без конца подливая водки себе в стакан. Но что уж кривить душою: на спиртное налегал не он один.

Илья Петрович Калачев долго пытался держаться в рамках приличия. Но выпитое спиртное его распирало, пока пробку не сорвало, и веселье не полезло наружу обильной пеной. Калачев не выдержал и пустился в пляс. Вошел в кружок молодежи и лихо завертелся волчком. Впрочем, Екатерина Леонидовна давно уже там резвилась, высоко вскидывая ноги в каблукастых сапогах. Дети, оставленные без родительского присмотра, носились со второго этажа на третий, где была мансарда. Ее щитовой балкон нависал над столом метрах в трех, там, наверху, слышалась веселая возня и детский смех.

Сережка тоже бесился на балконе вместе с другими детьми. С Павликом Казначеевым – сыном толстой бухгалтерши Юлии Николаевны. Кроме них, там кувыркались Леша Корсаков, Даша Калачева и Даник Глебов. Дети насла-

ждались свободой.

Все это Алексей уже воспринимал с трудом. После третьего коктейля ему стало совсем хорошо. Он крепко обнимал смеющуюся Сашу, пока не заметил, что это уже не Саша.

«Глупо, ну глупо быть сегодня трезвым», – уговаривал он свое второе «я», которое упорно сопротивлялось. Потом сообразил: а откуда оно вообще взялось? Что, начинается раздвоение личности? И Саши.

«Все весело, всем хорошо! Елки, первое января! Новый год! Кто знает, что там, за порогом? Может, конец света?» Наконец, второе «я» захлебнулось гремучей смесью. В стакан, где уже были «апельсиновый сок с водкой» Алексей для верности добавил мартини. Шарахнув по своей сознательности этим напитком, Леонидов взревел, и, выйдя в центр круга, начал изображать танец живота. Народ бешено заплодировал, к Алексею присоединилась симпатичная незнакомая девушка, и уже на пару они стали выделять нечто невообразимое.

Веселился даже господин управляющий. Надо отдать ему должное – пил он мало. Но зато танцевал! Если можно так квалифицировать производимые им действия. Валерий Иванов роботообразно двигал руками и топтался на одном месте. Впрочем, внимания никто ни на кого уже не обращал. Все веселились. И Алексей подумал: ну что может случиться? Трезвых здесь нет. Одни пьяны больше, другие меньше. Но глотки друг другу перегрызать не собираются. Танцуют,

обнимаются. Праздник же! Праздник!

Вдруг из калейдоскопа выпало яркое цветное стеклышко: смеющаяся Оля Минаева, бывшая секретарша покойного Серебрякова упала в его объятия. Алексей подхватил ее и повел в медленном танце.

– Следователь, а я тебя помню, – лукаво прошептала она.

– Только жене не говори, – пьяно пробормотал Алексей.

Он уже не помнил: а что было?

Немного протрезвел он, только когда сообразил, что к нему прижалась Нора.

– А со мной потанцуешь? – спросила она.

Инстинкт самосохранения работал у Леонидова даже в припадке буйного веселья. Он прекрасно помнил: от этой змеюки лучше держаться подальше. Это «ж-ж-ж» неспроста. Недаром она держится рядом с танцующей парой: Саша в объятиях огромного Сергея Барышева. И навязчиво прижимается к своему партнеру. Алексей также навязчиво держал ее на «пионерском» расстоянии.

Вдруг совершенно отчетливо Леонидов увидел абсолютно трезвую Ирину Сергеевну Серебрякову. Если она и выпила, то бокал шампанского, не больше. Серебрякова не танцевала, одиноко сидела в углу дивана. Она держала в руках полный стаканчик шампанского, но не пила. Выражение ее лица было какое-то странное. Алексей невольно вздрогнул, но подойти не решился. Не до того. Да и видок у него сейчас! Называется, страж порядка!

Часа в два ночи наконец успокоились дети. Их развели по номерам и уложили спать. Остальные расходиться не собирались.

Около трех часов ночи по второму кругу начали пить за Новый год, за новое счастье, здоровье и процветание фирмы. Потом народ цепочкой потянулся на балкон – перекурить это дело. Периодически исчезали какие-то парочки, но вновь появлялись, вливаясь в общее веселье. Дело шло к утру.

Алексей за руку вытащил из толпы смеющуюся Сашу и прокричал в розовое ушко:

– Ну как, весело?!

– Весело! А сколько всего вкусного, и шампанское – прелесть! Можно еще?

– Можно, только не усни. Для тебя спиртное что снотворное. А веселье-то еще не кончилось!

– Ой, я уже на ногах едва стою!

Саша качала кудрявой головой и была похожа на наполненный гелием воздушный шарик, который пытался взлететь под самый потолок. Алексею так казалось.

Кончилось тем, что он поймал жену на балконе вместе с Аней Барышевой. Обе пытались неумело затянуться сигаретами, которые стрельнули у Марины – секретарши Паши Сергеева. Леонидов стащил обеих вниз, сдав Аньку на руки невозмутимому Сереге. Барышев выглядел почти трезвым. Во всяком случае, держался. Юной жене он показал внушительных размеров кулак и сигарету отобрал. Потом пригро-

зил:

– Я тебя спать отведу. Хватит безобразничать.

– Мы больше не будем, – хором сказали женщины, и их отпустили танцевать.

После четырех часов буйное веселье миновало свой пик и постепенно начало затихать. Саша не выдержала и ушла спать. Калачев уволок в люкс упирающуюся Екатерину Леонидовну, куда-то исчезла Нора.

Серебрякова по-прежнему сидела в углу дивана. Стаканчик в ее руке по-прежнему был полон. Алексей даже не был уверен, что Ирина Сергеевна вообще из него пила.

К шести утра в холле остались самые стойкие. Алексей почувствовал, что засыпает, и нехотя покинул импровизированный танцзал. В его номере на одной кровати сопел Сережка, на другой забила под одеяло его жена.

Он, пошатываясь, стянул джинсы, осторожно прилег рядом и прижался к ее теплой спине. Едва закрыл глаза, почувдилось, будто он едет на карусели. Открыл: комната кружится. Стенной шкаф, кресло, журнальный столик пролетали перед глазами, будто серые в яблоках лошадки. Закрыл: голова кружится.

Наконец ему удалось с собой справиться. Усталость взяла свое. Остановив карусель, он провалился в глубокий сон.

Глава 2

Утро

Леонидов проснулся в половине восьмого утра. Согласно привычке, выработанной годами. Не было будильника, который поднял бы с постели звонком, танцы для него закончились каких-нибудь пару часов назад, но в половине восьмого Алексей все равно открыл глаза. И невольно застонал. Это было утро.

За окном тускло светила звезда нового дня. Праздник продолжался. Беспроигрышная серия выходных была в самом разгаре. В комнате было тихо, когда под Леонидовым скрипнула старая деревянная кровать. Он вздрогнул и подтянул ногу обратно под одеяло. Сережка сладко спал, Саша тоже тихонечко посапывала.

«Что делать?» – подумал он. И измученный вчерашним днем организм тут же подсказал: «Спать. Как все нормальные люди. Завтрак в девять». Еще полчаса он лежал без сна, проклиная силу привычки. Потом задремал, но минут через десять проснулся и понял, что это все. Лимит сна исчерпан. Если он и уснет, то после обеда. Потом потихоньку, стараясь никого не разбудить, Алексей поднялся с постели.

Голова гудела, ноги были ватными. Сухой язык ворочался во рту с огромным трудом. Он прошел в ванную комнату и

открыл кран. Из зеркала глянули безумные, мутные голубые глаза, волосы на голове были всклокочены.

«Что было вчера?» – мелькнула мысль. И память покорно нарисовала картины разгула и разврата. Он застонал еще раз, но уже громче.

«Хорош, – сказало отражение. – Нализался, оперуполномоченный».

– Я как все, – сказал он вслух и, отфыркиваясь, стал плескать в лицо ледяной водой. Стало чуть легче. Но чуть.

Он пробыл в ванной минут десять. Чистил зубы, собираясь с силами. Мятный вкус зубной пасты казался отвратительным. «Надо на улицу, – вяло подумал он. – Умыться снежком, вдохнуть полной грудью свежий воздух. Вот что значит вовремя не остановиться!»

Выйдя из ванной, Алексей надел спортивный костюм, зимние ботинки, те самые, новые, надел куртку и открыл дверь. Он стоял в холле, а в глазах еще стоял туман. «Что это?» – мелькнула мысль. *Это* лежало у стола. На затоптанном полу.

Он не спеша подошел к растерзанному столу. Окинул взглядом остатки еды, грязные тарелки, окурки, пластиковые стаканчики, мятые пачки из-под сигарет. Пахло какой-то кислятиной, посреди одноразовой скатерти была огромная алая лужа. «Вино, – вяло подумал он. – Или не вино?»

Потому что было *это*. Он наконец сообразил.

Возле крайней левой ножки огромного стола, похожего на сороконожку, собранного из десятка маленьких, прямо под деревянным балконом лежал коммерческий директор фирмы «Алексер» Павел Петрович Сергеев. На его виске была запекшаяся кровь.

Сначала Алексей подумал, что у него галлюцинации. Последствия вчерашней вакханалии. Но нет. Он нагнулся, потрогал Сергеева за плечо. Тот был материален. Но холоден, потому что и в самом деле был труп. Алексею стало не по себе.

Покойников в своей жизни он видел предостаточно, чтобы определить, что Паша умер не сейчас. Минимум час назад. Кровь из разбитого виска уже не текла. Угол стола был ею запачкан. Темное пятно растеклось на полу возле головы покойного.

Первым делом Леонидов посмотрел на часы. Было восемь часов сорок шесть минут. Потом на цыпочках, чтобы не затоптать улики, он подошел к лестнице, ведущей на первый этаж, и спустился вниз. Толкнул входную дверь и попытался выйти на улицу. Ночью пошел густой снег, шел он и сейчас. Входная дверь поддалась с трудом. Очутившись за порогом, Алексей наткнулся на огромный сугроб и замер. За сугробом, сколько хватало взора, человеческих следов не было. Дорожки замело. Ночью коттедж никто не покидал.

Порыв ветра швырнул ему в лицо колючую ледяную крупу. «Вот игодились мои теплые зимние ботиночки», –

мелькнула глупая мысль. Алексей тут же вслух обозвал себя идиотом. Какие ботинки! Коммерческий директор убит! В несчастный случай ему верилось с трудом. Проморгал, прозевал, проворонил...

А вдруг?

«Одно ясно: чужих здесь не было, убийца – кто-то из сотрудников фирмы, и он остался в коттедже. Хрен влезешь теперь сюда без трактора и хрен же вылезешь обратно! Срочно надо поднять Барышева», – подумал Алексей. Потом зачерпнул горсть снега и принялся энергично растирать им щеки. Но сон и без того как рукой сняло.

Он прикинул: если позвонить в милицию, когда они придут? Не скоро. Во-первых, праздники. Во-вторых, нужна снегоуборочная техника, что осложняется пунктом первым. То есть праздниками. Все пьют, кто не пьет – тот живет надеждой. Он же здесь как частное лицо. Особых полномочий не имеет, да и никаких не имеет. Здесь не Москва, а область. Это относится к пункту первому. Да и ко второму тоже. Как быть?

Алексей поднялся на второй этаж, окинул взором место происшествия. Сохранить его в первозданном виде до приезда милиции не удастся. Людям надо где-то ходить. Не запереть же их в номерах на сутки! А то и на двое. Кто знает, когда дорогу расчищают? И все это время посреди холла должен лежать труп?

Это он исключил сразу: в коттедже дети. Накрыть его?

Унести? Единственная разумная мысль, которая пришла ему в голову: разбудить Серегу. У которого разумных мыслей гораздо больше. Ибо он вчера был адекватен. Или так казалось?

Барышевы вчера заселились в номер четыре. Который находился на первом этаже. Алексей в очередной раз обругал себя идиотом и вновь спустился вниз. А что он мог сделать? В мыслях царил полный сумбур, голова была тяжелой. Стучать пришлось долго. И безответно. Потеряв терпение, Алексей стукнул в дверь ногой и закричал:

– Серега, выйди!

Послышалось чертыханье и скрип кровати. Приоткрыв дверь, но не впуская его в комнату, Барышев гулким шепотом спросил:

– Чего тебе надо? Человек без совести? Ибо люди спят.

– Оденься и выходи.

– Еще чего! У меня выходной! Я хочу наконец выспаться.

А на завтрак мы не пойдем.

– А никто, похоже, не пойдет. У нас ЧП. Дверь-то открой.

Барышев вышел в коридор:

– Ну? Какое ЧП? Если это очередная шутка, я тебя убью!

– Какая к черту шутка! Паша наверху, в холле, с разбитой башкой!

– Чего, перевязать его надо, что ли?

– Не поможет. Он уже труп.

– Ты серьезно? – вытаращил глаза Барышев.

– Еще бы!

– Погоди, я штаны надену. Ну дела! – покачал головой Серега.

– Жену пока не буди, – прошипел ему вслед Алексей. – Меньше народу – больше кислороду. И фотоаппарат возьми, я вчера заметил: у тебя есть.

– Лучше бы ты заметил, кто ему башку разбил, – мрачно сказал Серега, выходя из номера уже в штанах и с фотоаппаратом.

– Сам не знаю, что на меня нашло, – пожаловался Алексей.

– Алкогольное опьянение. Болезнь редчайшая, особенно в наших широтах.

– Умник!

Вяло переругиваясь, они поднялись наверх. В холле по-прежнему стояла тишина. Все спали. Что неудивительно, учитывая, во сколько закончилось празднество. Алексей набрался наконец решимости, нагнулся и взял Пашину руку. Пульса не было. А чего он, собственно, хотел? Надеялся, что коммерческий директор на время притворился трупом, а сейчас оживет и вновь пустится в пляс? У покойного было плохое чувство юмора.

– Смотри, Леха, он, похоже, сверху упал! С балкона! – воскликнул догадливый Барышев.

– Да, ты прав. Фанерные перила сломаны. Черт! Кто так строит? А? Ночью Паша был здорово пьян. Не смотри на ме-

ня так. Он выпил больше. Я, по крайней мере, не раздевался до нижнего белья. Что, раздевался? – в ужасе спросил он, увидев, что Серега оскалился.

– Ладно, проехали.

– И как неудачно он упал! Глянь! Виском прямо об угол стола, да еще с высоты не меньше трех метров! Не повезло, можно сказать. – Алексей усмехнулся: – А еще говорят, что пьяных бог бережет.

– Леха, а может, он сам? Напился, пошел покурить, ну и звезданулся с балкона, потеряв ориентацию во времени и пространстве. Могло такое быть?

– Да так звезданулся, что перила проломил! С разбега, наверное, на них бросился, не иначе. Смотри, у него рубаха порвана, а на щеке царапина и синяк. Нет, Серега, он на перила не кидался, сцепился с кем-то. Подрался. Ну я дурак! Серебрякова ведь предупреждала... Да, надо ее срочно поднимать. Ты давай, дуй в главный корпус, поднимай там всех. Звони во все колокола. То есть в телефон. Сообщи о происшествии. Узнай, нет ли у них на территории сотрудников милиции. Лыжи у тебя с собой?

– Иди ты...

– Значит, мой океанский лайнер, будешь бороздить просторы. Только ты можешь это сделать: там снежищу намело!

– Иди ты?

– Давай друг. Страна ждет от тебя подвига.

Он пытался шутить, но на душе кошки скребли. Прозе-

вал, проморгал, проворонил. А Серебрякова предупреждала... Барышев пошел вниз, одеваться, Алексей нехотя направился штурмовать дверь люкса. Когда он уходил, Серебрякова еще не ложилась. Наверняка Ирина Сергеевна крепко спит.

Он вздохнул и постучал в дверь:

– Ирина Сергеевна, это Леонидов, откройте!

Она же, как будто ждала под дверью, открыла сразу, без лишних вопросов:

– Что случилось?

– Мне нужна ваша видеокамера. У вас ведь вчера была видеокамера? Вы снимали сотрудников, когда они... – Алексей замаялся. – Гуляли? Пьянствовали?

– Тогда уже их никто не снимал, – усмехнулась Серебрякова. – И не я, Калачевы снимали. Паша снимал, Валера Иванов. Камера действительно моя, но пользовались ею вчера все.

– Ясно. Каждый руку приложил. Павел Петрович лежит в холле мертвый, Ирина Сергеевна.

– Паша? Не может быть! Почему Паша? – она растерялась.

Потом вдруг спросила:

– А снег уже перестал?

– Нет. Идет. А кто, по-вашему, должен там лежать? Есть какие-то версии? Поделитесь. И при чем здесь снег?

– Не знаю. То есть снег ни при чем. Ночью я смотрела в окно: шел густой снег.

– Вы что, вообще не ложились?!

– У меня последнее время бессонница. А как он умер?

– С балкона упал. Возможно, что это несчастный случай.

Дайте, пожалуйста вчерашнюю кассету. И еще... Чистая у вас есть?

– Конечно!

– Зарядите и оставайтесь пока здесь. Зрелище не из приятных. И улики. Надо все заснять, пока не затоптали.

– Да, Алексей... У меня есть мобильный телефон. Если надо вызвать милицию...

– Не надо. То есть Барышев пошел в главный корпус. Они там сами сообразят, что делать и кого надо вызывать.

Леонидов сунул в карман кассету с записью вчерашнего праздника взял видеокамеру и вышел в коридор. В холле все было без изменений: у ножки стола по-прежнему лежал Павел Сергеев. Его остекленевшие глаза без всякой надежды глядели на балкон, в перилах которого по-прежнему зияла огромная дыра.

Перво-наперво он взял крупным планом тело коммерческого директора, потом наехал камерой на стол, уставленный грязной посудой, захватил испачканный кровью угол стола, пол, окурки, остатки еды...

«Как стадо мамонтов пробежало! – подумал кисло. – Нет, ничего здесь не выловишь!» Но работу свою он по привычке делал тщательно.

Не переставая снимать, Алексей поднялся по лестнице на-

верх, в щитовую мансарду. На третьем этаже, у проломленной в фанере дыры, стояла банка из-под маринованных огурцов, наполовину заполненная окурками. В углу мансарды валялось несколько пластмассовых бутылок из-под колы, алая лента и детский резиновый мячик.

Все это он добросовестно заснял, хотя мячик-то уж точно никакого отношения к убийству не имел. Просто ночью на балконе резвились дети.

Леонидов подошел к самому краю, взял план сверху, заснял застывшее в нелепейшей позе тело коммерческого, сдвинутую мебель, стараясь ничего не упустить, потом снова спустился в холл. Отдельно снял Пашино мертвое лицо с царапиной на щеке, разорванную рубашку, ворот, испачканный в яркой губной помаде. Потом напряг память: чья помада? Похоже, что Норы. А с другой стороны... И он безнадежно вздохнул.

Ему захотелось пить. Поборов отвращение, Алексей взял один из пустых стаканов. Вроде бы из него никто не пил. Повертев стакан в руке, вновь тяжело вздохнул:

«Еще несколько минут относительного покоя, а потом начнется! Кто-то непременно захочет позавтракать, выйдет в холл и завопит. Хорошо, что я встал первым. А то бы уже началось! Визг, топот, ахи, вздохи... Дурдом, короче. И зачем я послушал Сашку? Зачем поехал? Самоуверенный идиот! Никто тебя здесь не боится!»

Он налил в стакан виноградного сока, выпил. Во рту ста-

ло противно. Глянул на початую бутылку водки и с трудом поборол соблазн. Лучше покончить с этим сейчас. Ибо надо работать. Алексей присел на диван. Сейчас они были наедине с коммерческим директором. Паша молчал. Леонидов тоже молчал. Все тело ломило, голова болела. А хорошо вчера погуляли!

Он боялся нарушить это безмолвие: перешагнуть из пассивного состояния в активное, боялся сдвинуться с места. Как хорошо просто сидеть на диване! Ведь сейчас придется учинять допрос и подозревать буквально всех! Кроме Сереги Барышева, которому он доверяет. И его жены. И, разумеется, своей. А остальные? Серебрякова? Почему она не спала?

Наконец Алексей решился: поставил на стол пустой стакан и поднялся с дивана. Вдруг он услышал, как скрипнула дверь. Итак, акт второй. Те же и...

Глебов?

В холле появился заспанный Борис Глебов и замер, глядя на лежащее на полу тело. Потом удивленно спросил:

– Он что, здесь спал? На полу?

– Кто?

– Паша. – Леонидов, наконец, сообразил, что Глебов сути происходящего не понимает.

– Он не дышит, Борис Аркадьевич.

– Простите, я контактные линзы еще не надел, – и Глебов близоруко прищурился. – То есть как это не дышит? Что

значит не дышит?

– Это значит, что он умер.

– Как это умер? Отчего?

– Идите к себе в комнату, на завтрак мы не пойдем. И не из-за Паши. Там снегу намело. А дорожку еще не расчистили. Наш коттедж крайний, у самого леса. Я вас позову, когда надо будет переносить тело.

Глебов не двигался, и Алексею пришлось, крепко взяв его за плечо, сопроводить к дверям номера, из которого уже испуганно выглядывала перепуганная Тамара Глебова.

– Что случилось? – шепотом спросила она.

– Только не надо кричать. Не сразу, – предупредил он, вручая ей мужа. – Паша умер. Не выходите пока в холл.

Справившись с первым решившим позавтракать, Алексей тяжело вздохнул и направился поднимать с постели Нору. В крепости ее нервной системы он был уверен.

Коммерческий директор Павел Сергеев мог зарезервировать для себя только номер люкс. Потому что он по жизни был «люксовый» парень. И девушка у него была класса люкс, и машина. В квартире Алексей не был, но был уверен: она такая же. Поскольку все три люкса на втором этаже были заняты Серебряковой, Калачевыми и семьей Ивановых, Паше достался тот, что на первом.

Алексей стал барабанить в дверь безо всяких церемоний. С женщинами типа Норы он не церемонился никогда. На что она отвечала полным презрением. Как, например, сей-

час. Дверь она категорически открывать не хотела.

– Елена... Черт возьми! Я не помню вашего отчества! Елена, откройте! Откройте, а то я окно с улицы разобью! И все равно войду! Открывай, чтоб тебя... – и он добавил пару нецензурных выражений.

Это подействовало. Нора с грохотом распахнула дверь и возникла на пороге в пеньюаре цвета морской волны, заманчиво приоткрывшемся на груди.

– Ну?! – сказала она, раздувая ноздри. Алексей отвел взгляд от пышных форм разгневанной женщины и поспешил ее обнадежить:

– Паша умер.

– Опился? Туда ему и дорога!

– С балкона упал, и похоже, ему помогли. Собирай вещи и чеши в люкс Серебряковой. Она одна в двух комнатах.

– Еще чего? Я уезжаю!

– Ну, попробуй.

– И кто мне помешает? Ты? Мент, – презрительно добавила Нора.

– А ведь когда-то мы были так близки... – вкрадчиво сказал он. Все ж таки у женщины драма. С ней надо ласково.

– Не настолько близки, чтобы я впустила тебя сейчас в свой номер. Убирайся!

– Дура, – ласково сказал он. – Это я тебя терплю. Не все мои коллеги отличаются хорошими манерами и таким терпением, как у меня. Короче, девочка, делай, как я тебе ска-

зал. Дороги замело, территорию ты не покинешь. Если только будешь два километра лесом толкать машину в сугробах. Насколько я тебя знаю, ты на такое не способна. Ногти сломаешь. Потому убирайся отсюда и в темпе. А здесь мы пока устроим мини-морг. Перенесем тело Паши. Дети сейчас встанут, надо их оберегать от потрясений. Чего застыла?

– Никуда я не пойду, можешь хоть в снег этого мерзавца закопать, чтобы не вонял! Убирайся!

– Не испытывай мое терпение, я с перепоя особенно нервный. Шевелись!

– Ненавижу тебя!

– Это я уже слышал.

Нора попятилась в номер и, после секундного раздумья, стала энергично швырять в сумку свои тряпки.

– Милая, тебе помочь? – сказал он, заглядывая в люкс. А хорошо устроился коммерческий!

Вещей у Норы было так много, что он невольно вспомнил вчерашнюю перепалку с женой. У Норы с собой было аж три вечерних платья! И не счесть брюк, свитеров и кофточек. Не говоря уже о косметике. Перед зеркалом на туалетном столике стояла батарея губной помады, лака для волос и кремов. Леонидов без колебаний смел все это в сумку. Нора зло сверкнула глазами, но ничего не сказала. Похоже, она смирилась.

Наконец он вытащил Нору и два ее баула из номера и поволок все это на второй этаж. Истерического визга он никак

не ожидал. Но, увидев Пашу, Нора завизжала. Алексей ки-
нулся к женщине и попытался зажать ей рот.

– Дура, что ты орешь? Дети спят!

– Мне плохо. Как это отвратительно! Подумать только,
еще вчера это тело было в моей постели!

– Ему еще хуже, а мне и подавно. Что касается постели,
прими мои соболезнования. Можешь сегодня ночью лечь ря-
дом, не надо так убиваться. Сядь сюда, – он пихнул Нору в
сторону дивана.

– Нет! – она стала брыкаться, поднимая шум.

– Выпей сока, водки, коньяку, только помолчи, психопат-
ка, – Алексей схватил со стола стакан. Тот оказался грязным.

– Нет! – еще громче взвизгнула Нора и оттолкнула его
руку.

Где-то уже слышались голоса, скрип дверей.

– Всех на ноги подняла! Ты невыносима! Давай-ка быстро
в одиннадцатую, – и он дернул Нору за руку. Дотасив ее до
двери люкса Серебряковой, стукнул в нее кулаком и закри-
чал:

– Ирина Сергеевна, приютите девушку!

Дверь открылась...

– Что еще случилось? – взволнованно спросила Ирина
Сергеевна.

– Не беспокойтесь: трупов больше нет. Я хочу перенести
Пашу вниз, в его номер. А Нора пока побудет у вас. Пока до-
рогу не расчистят. Потом она уедет. Скорее всего, – усмех-

нувшись, добавил он. – «А вдруг она – убийца?»

– Да-да, конечно. Нора, проходите.

– Не помните случайно, в какой номер заселились сильные мужчины спортивного телосложения? Мне понадобится помощь.

– В девятнадцатый Манцев с Липатовым вчера селились, – наморщив лоб, сказала Ирина Сергеевна.

– Дайте девушке воды и не выходите пока из номера, ради бога! И ее не выпускайте.

– Хорошо.

Дверь люкса закрылась. Леонидов метнулся по коридору искать номер девятнадцать. Нашел и забарабанил в дверь:

– Открывайте! У нас ЧП!

На пороге появился заспанный Липатов:

– Что случилось?

– Случилось, – Алексей заглянул в номер. Вторая кровать была пуста. – А друг твой где?

– А я знаю? Что, завтракать пора?

– Выйди в холл. Как у тебя с нервами?

– Не понял.

– Поймешь. Штаны надень.

Из соседнего, восемнадцатого, номера Алексей вытащил трясущегося Глебова.

– Борис Аркадьевич, перестаньте трястись. Вы уже надели контактные линзы? Идемте. Мне нужна ваша помощь.

В холле Липатов увидел мертвого Пашу и занервничал:

– Вот и погуляли! Как же это его угораздило?

– Давайте, мужики, берите его за ноги, и – вниз!

– Почему это я должен его куда-то тащить? – запротестовал Липатов. – Я не люблю покойников! И вообще...

– Давай, давай, не расклеивайся. Надо его убраться.

Втроем они кое-как, цепляясь за перила и ежесекундно спотыкаясь о ступеньки, спустили на первый этаж тело Павла Сергеева. Внесли в люкс, положили на одну из кроватей. На тумбочке рядом с ней лежал комплект накрахмаленного постельного белья. Паша так и не успел им воспользоваться.

Леонидов взял негнушающую простыню, на которой стояло синее клеймо и надпись «Лебедь» и накрыл ею тело. Потом отпустил Глебова и Липатова. «Спи спокойно, друг», – сказал он Паше. Потом закрыл дверь ключом с биркой, на которой была выбита цифра «1», и положил этот ключ в карман куртки. Он так и не успел раздеться. В другом кармане лежала кассета с записью вчерашней вечеринки.

И вовремя они это сделали. Вопли Норы, похоже, разбудили всех. В холле стал собираться взволнованный народ. «Что случилось?» – спрашивали люди, переглядываясь. Появилась Саша в спортивном костюме, заспанные Калачевы, тихая жена Глебова. Леонидов понял, что пора брать слово.

– Дамы и господа, минутку внимания, – сказал он. В холле сразу же наступила тишина. – У меня для вас неприятное известие. Сегодня ночью произошел несчастный случай с Павлом Сергеевым. Он слишком много выпил и, не удержавшись,

жав равновесия, упал с балкона. К сожалению, насмерть. Пока не приедет милиция, не расходитесь, коттеджа не покидайте, к тому же пока вам это и не удастся сделать. Ночью шел снег, дорожку замело. Предлагаю дамам навести здесь порядок, помыть посуду и накрыть стол для легкого завтрака. Запас продуктов у нас достаточный. Просьба не паниковать, здесь все-таки дети.

Он закончил речь и оценил реакцию присутствующих. Женщины занервничали и начали переглядываться. Внимание привлек обгаренный кровью угол стола. Леонидов принес из своего номера чистое полотенце и закрыл злосчастный угол. На полотенце он водрузил бутылку из-под шампанского. Мужчины дружно пошли курить. Видимо, хотели обсудить ночное происшествие. Алексей этому препятствовать не стал.

Первой пришла в себя повариха. Подошла к столу и стала собирать грязную посуду. Ее уверенные действия произвели впечатление на остальных. Дамы очнулись и принялись ей помогать. Она же уверенно распоряжалась: «несите коробки», «колбасу режь», «чайник поставь». Леонидов настороженно разглядывал высокую худую женщину со злым лицом, в особенности ее энергичные руки. Она кромсала ветчину с такой силой, что ему стало не по себе.

«Кто знает? Не женщина, а нечто! Высокая как гренадер! Прямо женский спецназ, а не работник кулинарного фронта. Такая толкнет – не то что фанеру проломишь, полетишь

со свистом, как ракета «земля – воздух». Но что ей делить с Пашей? Опять-таки, кто знает? Надо будет к ней присмотреться», – размышлял он, продолжая наблюдать за Валерией Семеновной.

Принесли закипевший чайник. Мужчины вернулись и начали рассаживаться вокруг стола. Ощущение праздника пропало. Еще вчера здесь было так хорошо! Тепло, уютно. Гремела музыка, все веселились. В свете дня все выглядело по-другому. В холле дуло изо всех щелей, в углах висела паутина, мебель была старая, разохшаяся. Все были раздражены похмельем и неожиданно-негаданно свалившейся бедой. В коттедже труп. Это значит: будут проблемы.

За пыльным окном, как чадящая свеча, едва теплился пасмурный зимний день. Небо по-прежнему было хмурым. Кто-то из присутствующих несмело предложил опохмелиться, народ поежился, но не поддержал. Алексей подумал: а не предложить ли помянуть? Впрочем, не стоит торопить события. Запасы спиртного достаточные, и до них дело дойдет. Ели лениво, курили здесь же, пили крепкий кофе. На Леонидова никто не смотрел. Все отводили глаза. Он чувствовал: его присутствие давит. Что значит – упал с балкона?

Он вновь мысленно обругал себя идиотом. За то, что попал в дурацкое положение. Допустим, один из них убийца. Но остальные в чем виноваты? В том, что решили в рождественские каникулы отдохнуть на природе, в подмосковном лесу? Он молча пил кофе и размышлял. Так кто из них?

Через час в холле появился засыпанный снегом Барышев.

– И как успехи? – кинулся к нему Леонидов. – До главного корпуса добрался?

– Пер, как танк.

– О происшествии сообщил? В местную милицию дозво-
нился?

– Да, – коротко сказал Барышев. – Сотрудников милиции
на территории нет. Только сторож. Но он... как бы это ска-
зать?

– Отмечает новогодние праздники, – подсказал Алексей.

– Именно. Чаю горячего хочу. Погодка – дерьмо. Снег так
и сыплет.

– Ну и что они сказали? В милиции?

– Замело все к черту! Будут к нам пробираться. Искать
технику, водителя. К вечеру, наверное, можно ждать. Велели
ничего не трогать.

– Поздно уже, оплачено, – мрачно сказал он. – Не есть же
нам рядом с трупом? Я все заснял на видеопленку, в лучшем
виде.

– А где тело?

– Внизу, в комнате номер раз.

Барышев покосился на прикрытый полотенцем угол стола.

– Чайник вскипел, – сказала Саша, появившись из своего
номера. Чайник кипятили там, поскольку номер, куда засе-
лились Леонидовы, был ближе всего.

– Ты, наверное, голодный? – спросила у мужа Анечка.

– Переживу. К обеду все расчистят, не каменный век, – сказал Барышев, присаживаясь рядом с ней на диван. – У главного корпуса я видел трактор. И откуда столько снегу?

– Оттуда же, откуда в середине декабря было столько дождя, – вздохнул Алексей. – С неба. А дорогу до шоссе они расчистить, что ли, не могут?

– Так праздники же! Ты бы видел водителя! И в областном центре то же самое. Кто будет расчищать дорогу в лесной санаторий? То есть будут, конечно. Но не так быстро.

– А на улице опять снег, – вздохнул Алексей.

– Именно, – кивнул Серега. – Полные ботинки начерпал! Пойду переоденусь. Аня!

Та поднялась с дивана:

– Ну, пойдем. Переодену тебя.

– Ладно, ребята, – вздохнул Леонидов. – Время собирать камни. Давай, Серега, переодевайся и заходи ко мне. Ты вчера был самый трезвый, я тебя свидетелем назначаю. Начнем потихоньку. Если не я, то кто же? Ребята, которые приедут, столько не знают.

– Тебе, Леша, показалось, – скромно сказал Барышев. – Я был как все. Просто я большой и потому устойчивый.

– Тогда мы посмотрим вчерашнюю пленку с записью. Авось что-нибудь выловим.

– Ты будешь у себя? – спросил Серега, направляясь к лестнице.

– Сейчас я к Серебряковой. – Ни Ирина Сергеевна, ни Но-

ра к завтраку так и не вышли. Впрочем, в люксе был чайник и несколько сумок с продуктами. Женщины наверняка о себе позаботились. – Раз Ирина Сергеевна меня сюда вызвала, с нее и надо начинать.

И он пошел проводить собственное расследование по факту убийства коммерческого директора фирмы «Алексер» Сергеева Павла Петровича. Ибо не сомневался, что с балкона тот упал не по своей воле. Кто-то его толкнул.

Глава 3

Ближе к полудню

У люкса Серебряковой он на минуту задержался. И прислушался к звукам, доносящимся из-за двери. Потом осторожно в нее постучал со словами:

– Ирина Сергеевна, можно вас побеспокоить?

На этот раз дверь открылась не сразу. Но открылась. Ирина Сергеевна стояла на пороге, кутаясь в шаль. Выглядела она не лучшим образом. Женщину, чей возраст приближается к сорока, бессонные ночи не красят.

– Ну, как дела? – бодро и глупо спросил Алексей.

– Что вы имеете в виду? – тонко усмехнулась Серебрякова.

– Как настроение?

– Настроение скверное. Случилось то, чего я больше всего опасалась.

– Вот на этот счет я и хотел бы с вами побеседовать. О ваших опасениях. Может быть, в номере?

– Там Нора.

Значит, при любовнице Серебрякова она беседовать не хочет. И правильно! Ему этого тоже не хотелось.

– Как она себя чувствует?

– Лежит, отвернувшись лицом к стене, в одеяло закута-

лась.

– Переживает, – съязвил он.

Насмешку Серебрякова почувствовала и покачала головой:

– Ну зачем же вы так? Думаете, их связывали только деньги?

Леонидов не думал, он был в этом уверен. И удивлялся только одному: почему они до сих пор вместе, Нора и Паша? Паша и Нора? В сентябре он оставил их в состоянии холодной войны. У Паши возникли проблемы с деньгами, и Нора решила его бросить. Достойной замены, что ли, не нашла?

– Где бы нам побеседовать без помех? – задумчиво спросил он. – Впрочем... Есть идея.

Вчера вечером он заметил, что один из номеров пуст. Двадцать первый. То есть никто туда не заселился. Но дверь открыта. Туда занесли сумки с продуктами, а ночью то и дело там уединялись парочки.

– Скажите, а почему номер, дверь в который ведет прямо из холла, пуст? – спросил он.

– Должен был ехать один из шоферов, работающих на фирме, с женой и ребенком, но вчера он внезапно заболел. А номер я оплатила. Деньги за путевку они не вернули, и ключ мне вчера выдали. Не пропадать же добру.

Леонидов задумался: пустой номер, как это кстати! Можно его использовать для частных бесед с сотрудниками фирмы.

– Мне показалось, дверь открыта.

– Да, – кивнула Серебрякова. – А ведь ключ вчера вечером

Паша у меня забрал.

– Паша? Забрал ключ? – удивился Алексей. – Но зачем ему ключ, если у него есть шикарный люкс?

– Он сказал, что сам займется разгрузкой продуктов. И я отдала.

«А спиртное он разгружал прямо в собственную утробу, не иначе, – прикинул Леонидов, вспомнив состояние коммерческого. – Надо будет этот ключик поискать».

– Давайте пройдем в двадцать первый, Ирина Сергеевна. Там нам никто не помешает. А Нора пусть спит.

Ирина Сергеевна кивнула и плотнее закуталась в шаль. Под настороженными взглядами сотрудников фирмы они с Серебряковой прошли в двадцать первый номер. Там царил бардак. Горой были навалены сумки и коробки, лежали друг на друге различные деликатесы, поверх них огромный торт, до которого вчера очередь так и не дошла. А сегодня было не до торта. Все это богатство было свалено в кучу. Он принюхался: запахок вроде бы не шел. Жаль, если все это пропадет!

– Ба, да тут целый маркитантский обоз! – воскликнул Алексей, оценив батарею разнокалиберных бутылок. От пива до мартини.

Две кровати из трех были разобраны, на тумбочке стояла открытая и наполовину пустая бутылка водки, два стакана,

початый пакет апельсинового сока.

– Кто же здесь ночевал? – спросила Серебрякова.

– Тайна, покрытая мраком. И он был не один. Место, между прочим, удобное. Если надо уединиться.

– Да, похоже.

– Садитесь, Ирина Сергеевна, не стесняйтесь. В кресло. А я в другое, рядом, присяду, если позволите. Сока не хотите? Стаканчики помою.

– Нет, спасибо. Я готова ответить на все ваши вопросы, Алексей Алексеевич.

Она села в кресло и посмотрела на него очень спокойно.

– А сами вы что думаете по поводу случившегося? – осторожно спросил он, присаживаясь напротив.

– Произошло совсем не то, чего я ожидала, понимаете? Мне казалось, что жертвой должен был стать Валера Иванов. И я за ним весь вечер присматривала. Пока он не ушел спать.

– А почему Иванов?

– Он – причина конфликта. И у него много врагов.

– Знаете, и мне так показалось. Осенью, когда я расследовал убийство вашего мужа. Значит, промахнулись, выбирая жертву? Но принять Пашу за Валеру невозможно! Они – люди разной комплекции!

– После того как вы мне рассказали о результатах расследования, я пыталась что-то исправить. Выровнять ситуацию.

– Глебова, например, взяли назад. Пообещали после Рождества вызвать на работу Анечку Барышеву. Но разве можно

вернуть прошлое? Дважды войти в одну и ту же реку? По моему, тот «Алексер» давно кончился. Вы только все усложнили. И конфликт разгорелся с новой силой.

– Я плохой руководитель, – вздохнула Ирина Сергеевна. – Вот Саша... Саша мог. А мне вдруг так захотелось возродить в магазине ту атмосферу, которая была, когда они все работали вместе. Но без увольнения Валеры это невозможно, а без него развалится и то, что уже есть. Я не могу решиться на такой шаг, понимаете?

– И вы решили Валерия Валентиновича не трогать, а вместе с ним его родственников и людей, которых он нанял. *Его* людей. И, таким образом возникло два лагеря.

– Я поделила их полномочия, – устало сказала Серебрякова. – Паше отдала верхний этаж, Валере – нижний.

– И что, ваши меры дали какой-нибудь результат?

– Результат? Глебов вернулся вниз, Ольга Минаева, секретарша моего покойного мужа, – наверх. Анечку я планировала взять в магазин. Мне хотелось их как-то помирить. Жену Валеры я планировала перевести наверх.

– Оля Минаева... Ослепительная блондинка. На какую работу вы ее взяли?

– В помощь Паше. Он сам попросил.

– Павел Петрович попросил просто помощницу или конкретно Ольгу?

– Ольгу. Сказал, что нет времени на обучение новенькой.

– Разумно.

– Потом он же попросил за Аню Гладышеву. То есть Барышеву.

– Паша?!

– Именно, – кивнула Серебрякова.

– Благодетель! Что-то раньше я за ним такого не замечал.

С чего вдруг такие перемены? Еще кого пытался вернуть?

– Тут-то как раз и возник конфликт: чтобы взять на работу еще одного менеджера из уволенных ранее, надо куда-то деть Сашу Иванова. И одна из девочек оказывается лишней. Валерий уперся: ни туда, ни сюда. По слухам, Глебова пытались просто съесть. А Борис – фанатик. Он без своей работы, как без воздуха. Естественно, Паша вступился за Борю, Валера за свою команду. В итоге фирма и раскололась на два лагеря.

– Состояние холодной войны?

– Да не такой уж холодной, бывало и горячо. Девочки у нас очень темпераментны. Они постоянно ругались.

– Чьи же девочки темпераментнее, Валерины или Пашины?

– Танечка Иванова очень любит за себя постоять и Лиза.

– Это такая высокая, полная? Женщина с веслом?

– Крупная девочка. Вы, как всегда, утрируете, Алексей.

– Шучу. А Эльза?

– Кассирша? Та спокойная. Но, знаете, я ее недолюбиваю. Несмотря ни на что, я предпочитаю иметь дело с открытыми людьми. И доносов не люблю. Вот Саша... Саша все

это выслушивал. А я не могу. Я же говорю, что плохой руководитель. У Эльзы досье на каждого составлено.

– А вы откуда знаете?

– Она пыталась мне их подсунуть. Мерзость! Кто на сколько опоздал и когда, вплоть до минут. Кто что говорил. Плохо отзывался о начальстве.

– Как вы прореагировали на досье?

– Вежливо дала понять, что сплетнями не интересуюсь. Но я знаю их судьбу.

– И я, – вздохнул Алексей. Который не сомневался, что творение Эльзы осело в недрах рабочего стола Валерия Иванова. – А кого конкретно Эльза хотела утопить?

– Глебова, конечно, Олю, Марину. Она – человек Иванова. Но добиралась она до самого Паши.

– Вот как? А чем он ей так не угодил?

– Я не собираю сплетни, спросите лучше у нее.

– Значит, как выяснилось, с Павлом Петровичем была в конфликте добрая половина фирмы? Во-первых, господин управляющий Валерий Валентинович. Во-вторых, его воинственно настроенные родственники. В-третьих, крепко обиженная Эльза. Еще недовольные были?

– Да не Пашу я хотела защитить, когда обратилась к вам! Поймите это. Все, что случилось, похоже на трагическую случайность. Я всегда симпатизировала Павлу, и, честно говоря, его бы я больше послушала, чем Иванова, если бы дело дошло до «или – или». Ведь он – друг детства покойного

Саши! Фактически член нашей семьи.

– Вот поэтому-то именно он, а не Валера, лежит сейчас мертвый в люксе на первом этаже. Деньги-то ваши! И фирма ваша. Это вы понимаете?

– Он мог сам упасть и случайно удариться виском об угол стола.

– А вот с этим могу поспорить: на угол упал случайно, а вот столкнули его умышленно.

– Но без намерения убить.

– Не скажите! С ненавистью толкнули, это уж точно. А всякая ненависть подразумевает под собой желание устранить физически вызвавший ее объект. И кому-то крупно повезло. Извините за черный юмор. И за то извините, что мне уже второй раз в жизни приходится заниматься проблемой вашего алиби, Ирина Сергеевна. Прямо рок какой-то! Сами-то вы во сколько ушли спать?

– Грех на вас обижаться, Алексей. Вы всегда с таким виноватым видом задаете этот вопрос. Я ушла спать сразу после того, как Илья увел в номер Катюшу.

– Мадам Калачеву?

– Именно. Вы должны это помнить. Я видела, как вы в это время вовсе развлекались.

– Так хочется покраснеть, Ирина Сергеевна, но голова уж очень болит. Но верьте, что мне очень и очень стыдно. Одно могу обещать в свое оправдание: честно отработаю свою путевку, найду убийцу и передам в руки правосудия.

– Я вас не упрекаю. У меня и в мыслях не было, чтобы вы весь вечер стояли за спиной у моих сотрудников и пальцем грозили: «Не убий!» Просто надеялась, что ваше присутствие их остановит. Но, как вы уже поняли, зря понадеялась. Их *ничто* не остановит. И никто. Ни вы, ни я.

– Хотели мира, а получили... Да не решается ни один конфликт путем грандиозной пьянки, увы! Ладно, Ирина Сергеевна, доказать чье-то алиби в пылу пьяной вакханалии невозможно, остается надеяться, что народ начнет что-то вспоминать. Кстати, как там насчет обеда? Может, ваша повариха покормит, так сказать, на дому? Неохота по сугробам лазить. Смотрел я сегодня на эту даму внимательно, и, похоже, она о Павле Петровиче сожалеть не будет. А он, бедняга, как к ней относился?

– Знаете, что странно: с самого начала он ее просто не замечал, а недавно вдруг попросил уволить, причем так категорично! На Пашу это не похоже.

– На каком основании?

– Мол, много кладет себе в карман. Но это глупо: кто из поваров не приворовывает? Она, конечно, брала себе и оставшиеся продукты, и с деньгами было нечисто, но все в меру.

– Воровать в меру. Это хорошо. А, простите, кто эту меру определил?

– В меру, это когда другим остается достаточно, чтобы на подобное воровство закрыть глаза.

– Так. И что вы ответили Паше?

– Сказала, что, если на то пошло, то решение всех кадровых вопросов я могу переложить на него, пусть сам занимается набором и увольнением сотрудников.

– Короче, развязали руки?

– Я не сижу целыми днями в офисе и, тем более, там не обедаю. Ему виднее.

– Значит, Корсакова после Рождества у вас больше работать не будет?

– Ну, теперь, думаю, вопрос о ее увольнении отпал. Кто будет заниматься поисками новой поварихи? Если у Паши и была какая-то кандидатура, то теперь это уже не актуально.

– Прекрасно! Еще одна подозреваемая! Проще было бы назвать тех, у кого не было повода лишить фирму коммерческого директора. Осталось только выяснить, что у Паши были махинации с бухгалтерией и любовные связи с сотрудниками фирмы. Кстати, мы забыли про красавицу Нору. Как развивался их роман с Павлом Петровичем?

– Еще раз повторяю, что я не собираю сплетен. Это охотно расскажут вам другие. Желаю успеха.

– Ага, значит, действительно, что-то было! Ну, с любовными связями я как-нибудь разберусь сам, это мой конек. А как насчет бухгалтерии?

– Не имею претензий. У Юлии с Павлом проблем не было.

– Кстати, она хорошо зарабатывает?

– А в чем дело?

– Это ведь она приехала на новенькой восьмерке? Сама за рулем – смелая дама. Это ее личная машина?

– Что ж, это же не иномарка? Юле без конца приходится ездить в банк, по делам, и я довольна, что для этого ей не требуется личный шофер.

– А про ее зарплату не скажете?

– Приличная зарплата. Цифры называть не буду, скажу только, что не задаюсь вопросом, на какие деньги куплена эта машина.

– Что ж, вопрос исчерпан. Пока мне не о чем вас больше спросить, вы меня и так основательно загрузили.

– Я всегда готова вам помочь, – и Серебрякова встала, давая понять, что аудиенция окончена.

– Воспользуюсь непременно, – и он раскланялся. Поистине: Ирина Сергеевна неподражаема!

Она сделала все, что могла, чтобы сотрудники ее фирмы вцепились друг другу в глотки. Не на жизнь, а на смерть. Ибо такой человек, как Валерий Иванов, пробившийся из самых низов, из простых работников склада, позиций без боя не сдает. А она: «Я бы скорее прислушалась к Павлу. Ведь он – друг детства (ах-ах-ах!) покойного Саши!»

А, кроме того, что он друг детства, были у Сергеева другие заслуги? Сомнительно. Впрочем, эти двое друг друга стоили. Иванов и Сергеев.

Леонидов вслед за Ириной Сергеевной вышел в холл. Картина, которую он увидел, была вполне мирной: молодой че-

ловек, которого он вчера запомнил как просто Колю, наливал пиво себе и Андрею Липатову, Барышев сверлил глазами дырку в фанерных перилах балкона, Корсакова вместе с Тамарой Глебовой носила в ближайший из номеров грязную посуду. У окна курили секретарша Марина и Наташа Акимцева из бухгалтерии. Остальные, видимо, разбрелись, кто куда. Возможно, досыпать.

Серебрякова сразу же прошла к себе. В номер люкс, где на одной из кроватей, с головой накрывшись одеялом, лежала Нора. Вот кого Леонидов мечтал хорошенько потрясти! Не вылезала она из номера неспроста, и уж наверняка не из-за переживаний об умершем любовнике!

Они знали друг друга еще по делу Серебрякова. Алексей до сих пор зубами скрипел, вспоминая, как девушка на пару с подружкой пыталась его развести. И нынешние слезы Норы были слезами голодного крокодила, у которого прямо из желудка выдернули привязанный на веревочке кусок мяса. Причем крокодил этот кусок уже почти переварил. У Норы на Пашу были виды. Теперь она страдает по упущенным возможностям.

Барышев встал, как только Алексей кивнул ему на дверь в свой номер.

– Там наши женщины, – вздохнул Серега. – Общаются. Как думаешь: они нам помешают?

– Общаться? Думаю, да. А мы их попросим с детьми прогуляться.

– Ага! – с энтузиазмом сказал Серега. – Пусть роют снежные пещеры!

– Им полезно, – согласился Алексей и распахнул дверь с криком: – Девочки! На улице чудесная погода! Прошу вас оценить, как идут спасательные работы! Вблизи уже должен быть слышен шум моторов!

– Выпровождаете? – усмехнулась Саша. – Думаете, мы будем вас подслушивать?

– Разумеется, будем! – сказала Анечка.

– Думаешь, мы услышим что-то интересное?

– Это вряд ли. По-моему, оба они зануды.

– По-моему, тоже.

– А мы их оставим без обеда. Не скажем, что путь к столовой свободен.

И Саша достала из шкафа теплые куртки. По лицу Сереги Леонидов понял, что путь к столовой тот найдет при любых обстоятельствах.

Когда компания удалилась, Леонидов полез в тумбочку, где с вечера предусмотрительно запрятал бутылку марочного вина.

– Серега, гляди – «Мускат»! Сахара, зараза, тридцать пять процентов! Сироп, елки! Похмелимся? А то башка трещит. Долго терпел, но теперь сдаюсь.

– А пить из чего? Стаканы-то в холле! Сходить?

– Ни-ни! Не стоит оказывать дурное влияние на общественность. Сейчас крышку от мыльницы принесу, да подай

мне ту пластмассовую штуку от лака для волос.

– Колпачок, что ли?

– Его, родимого.

– Воняет же!

– Ничего, пойдет под «Мускат». Я эту штуку сейчас с мылом вымою.

– Тогда ты из него пей.

– Ладно, как гость, можешь пользоваться привилегией в выборе посуды. Будешь потом мыльные пузыри ртом пускать.

– Классное занятие! С детства обожаю.

Они разлили «Мускат» в мыльницу и колпачок от баллончика с лаком для волос. В тумбочке нашлась пара мандаринов.

– А осетринки, случаем, не припас? – грустно спросил голодный Серега.

– Совесть не позволила. Мы люди бедные, но гордые. Воровать «Мускат» не то же самое, что тырить осетрину.

– А бутылка этого вина знаешь, сколько стоит?

– Это я спьяну перепутал, этикетку в темноте не разглядел. Лучше бы водку стащил, ей-богу! Ну, будем здоровы!

Они глотнули из импровизированных стаканов. Барышев скривился и закашлялся:

– Ш-ш-ш...

– Ш-што?

– Ш-шампунь, зараза, попал! Ты мыльницу-то мыл?

– Мы только насчет колпачка договаривались.

– Ну, ты злодей, Леонидов! Отравил!

– Я тебя предупреждал. Между прочим, мне тоже невкусно. Знаешь, какую гадость бабы себе на голову льют?

– Иди ты... – И Серега закашлялся. – Лучше бы я из бабской туфли пил!

– Иди ты?

– Тьфу! Дай сюда бутылку! Из нее буду пить! А ты колпачок нюхай.

– Ладно, будем считать, что вводные процедуры закончены. Вернемся к нашему трупу. То есть, к трупу П. П. Сергеева. Знаешь, что мы имеем, по словам Серебряковой? Несколько крепких подозреваемых.

– И кто конкретно?

– Вот, передо мной список всех присутствовавших на сабантуе. Итого тридцать человек. Минус пятеро детей – остается двадцать пять. Себя с Сашей я тоже исключаю, если только я не лунатик и не осуществляю под воздействием сна свои заветные мечты. У меня с коммерческим были трения. Но, поскольку это маловероятно, получается еще минус два. Теперь о вас, Барышевы: во-первых, я тебе доверяю. Во-вторых, вы спали в угловой комнате и ушли раньше Паши. Так что получается еще минус два.

– Ну, спасибо, благодетель ты наш!

– Не за что. Цветы можно прямо в мой номер. Итого получается: двадцать три минус два равно двадцати одному.

– В первом классе ты, Леонидов, наверняка на «пять» учился?

– Но только в первом, – грустно сказал Алексей. – Серебрякову тоже, в общем-то, можно исключить.

– И самого убитого, надеюсь, тоже?

– Да, елки! Молодец! Я даже позабыл, для чего вся эта арифметика! Минус, Паша. Остаются девятнадцать душ, у шестерых из которых уже обрисовался веский мотив. Нора тоже под большим вопросом.

– Ей-то какой навар со смерти любовника?

– Определенно сказать не могу, но что-то там есть. Вчера они с Пашей ругались. Я сам это видел. Кстати, как только сугробы расчистят, надо будет добраться до главного корпуса и просмотреть вчерашнюю запись. В этом коттедже видеомониторинга нет. Я это уже выяснил.

– А где кассета?

– В кармане. Сейчас уберу в тумбочку вместе с бутылкой. Надо прятать от грабителей такие ценные вещи. Итого: шесть человек имеют явный мотив, остальные тайный. В таких делах, как правило, стоит только поглубже копнуть. Там, где люди делят между собой солидную зарплату, нет места любви и братству. Тем более сейчас, когда народ за место под солнцем глотку перегрызет. Да, нынче каждый сам за себя.

– И против всех. А Пашины люди? Их ты со счетов не сбрасываешь? Они-то должны были за него держаться! И уж никак не убивать!

– А, если кто-то притворился, что он Пашин человек, а сам делал ставку на Валеру?

– Прямо тайны Мадридского двора!

– А ты у жены спроси, как ее в свое время убрали из «Алексера». Путем каких тайных интриг. Она тебя просветит. Серебрякова, между прочим, сама мне сейчас призналась, что некая Эльза пыталась всучить ей досье. Там было обо всех.

– Эльза, Эльза... Погоди-ка... Невзрачная блондинка с волосами до плеч? Действительно, на немку похожа!

– Гестапо в работе. Та еще сучка!

– Анька моя терпеть ее не может, даже не поздоровалась вчера.

– С такими можно и не здороваться, но они живут и процветают. Валера и мадам Иванова за нее горой, я это еще осенью заметил. Анюте надо бы поосторожнее, если она еще хочет там работать.

– Моя бы воля, она бы вообще дома сидела, – вздохнул Серега. – Но это не выход. С чего предлагаешь начать?

– С обеда, конечно. Похоже, что дорогу жизни уже расчистили, я слышу, как за окном шумят моторы!

И, действительно, в комнату ввалились румяные, засыпанные снегом Саша и Анечка. Они жизнерадостно закричали:

– Мужчины, вас приглашают на кормежку!

Леонидов встал. Во рту был вкус лака для волос.

- Пойдем, Серега, а то у меня желудок склеился.
- А у меня намылился изнутри.
- О чем это вы, мужчины? – поинтересовалась Саша.
- Да мы тут так, мылись.
- И причесывались...

Бутылку, в которой кое-что еще осталось, Алексей предусмотрительно запрятал обратно в тумбочку.

Когда Барышев вышел вслед за женщинами в холл, Алексей полез в тумбочку. Он посмотрел на кассету, задвинул поглубже, так, чтобы создалось впечатление, будто ее хотели спрятать и аккуратно закрыл дверцу.

«Кто ищет, тот непременно найдет», – подумал он, выходя из комнаты.

Метель на улице постепенно утихала. У плохой погоды тоже должен быть лимит. Облака на небе напоминали слежавшуюся и посеревшую от долгого хранения вату, зато снег радовал своей несказанной белизной. Загородной, по-настоящему лесной.

«Дорога жизни», ведущая к столовой, была расчищена. Посреди сугробов пролегла огромная борозда. По этой борозде цепочкой тянулись к столовой люди: Манцев на ходу захватывал голыми руками снег и тер опухшее лицо, озорная Марина, которая шла сзади, пыталась подловить его и сунуть за шиворот белый комок. Наконец ей это удалось, Манцев взревел и ринулся на нее тигром. Они расхохотались и пова-

лились в сугроб.

– Веселится народ, – вздохнул Алексей. – Паша умер, а они веселятся! Непохоже, что скорбят об усопшем.

– Они отдыхать приехали, а не на похороны, – мрачно сказал идущий следом Серега. – Как, впрочем, и мы с тобой. Жизнь-то продолжается!

– Слушай, Серега, я, кажется, дверь в комнату забыл закрыть!

– За свои миллионы опасаясь? Возишь с собой, в банк не кладешь?

– Банки нынешним августом полопались, как мыльные пузыри. Потому и вожу, – отшутился Алексей. – Погоди здесь пять минут. И пропусти меня.

– Ты предлагаешь мне отступить в сугроб и тебя пропустить?! – завопил Барышев. – А совесть у тебя есть?!

– Старшим надо уступать. Я старше тебя и по возрасту и по званию. С дороги! – и он попытался спихнуть Серегу с дороги.

Тот шагнул в сугроб и дурным голосом заорал:

– Нет, это черт знает что! Второй раз за день полные ботинки снега! Я не Рокфеллер, у меня столько обуви нет, чтобы менять ее каждый час!

– Надень домашние тапочки, – посоветовал Алексей и побежал к коттеджу. Пока Серега не очухался и не засунул его в отместку в сугроб.

У дверей коттеджа он остановился и перевел дух. В дверь

вошел потихоньку и стал осторожно подниматься по лестнице на второй этаж. Чтобы ни одна ступенька не скрипнула! На втором этаже, у самой лестницы, он столкнулся с Валерием Ивановым. Господин управляющий с каменным лицом прошел мимо.

«Не переусердствовал ли в выказывании полнейшего равнодушия?» – подумал Алексей, бросаясь в свой номер. Его подозрения оказались не безосновательными: кассеты в тумбочке уже не было. Леонидов усмехнулся:

«Не верю! Неужели разобрались на высшем уровне, без привлечения низшего звена? Не похож господин управляющий на убийцу! Такие, как он, грязную работы привыкли делать чужими руками. Но то, что он взял видеозапись вчерашнего вечера, уже является косвенным доказательством вины. Может, кто-то заснял его ссору с Пашей?»

Алексей запер дверь номера, в котором ничего ценного больше не оставалось. Вряд ли кто-нибудь позарится на полупустую бутылку «Муската». И, выйдя из коттеджа, побежал по направлению к столовой. Где-то на полпути он догнал Барышева.

– Ну что, миллионы на месте? – обернувшись, пошутил тот.

– Все в порядке.

– Тогда – вперед! Нас ждет обед!

Столовая находилась в главном корпусе. При свете дня Алексей рассмотрел его повнимательнее. Хотя смотреть осо-

бо было не на что. Здание было трехэтажное, кирпичное, построенное в соответствии со стандартами минувшей эпохи развитого социализма. До изысков в архитектуре тот, видимо, развиться не успел.

Стеклянные двери в рай, словно гигантский рот, всасывали толпу людей, иных, переварив, выплевывали обратно. Столовая была огромная. Еда, которую здесь подавали, полностью соответствовала все тем же стандартам минувшей эпохи: здоровому образу жизни – правильное питание. «Правильное питание» выжалось в минимуме калорий. Пюре было жидкое и с комочками, мясо в супе тощее, рыба сухая.

Официантки, которые развозили еду на сервировочных столиках, отчего-то были похожи на медсестер. И все, как одна, платиновые блондинки, причем, не без помощи перекиси водорода. Поначалу гостям подали салат из капусты-моркови. Потом жидкий суп и пюре с жареной рыбой. Алексей лениво ковырялся в тарелке. Даже «Мускат» не пробудил его аппетит.

Зато Серега съел все, что осталось от четверых: троих взрослых и ребенка. Включая свою порцию. Когда он, наконец, наелся, очередь за одеждой, растянувшаяся в фойе, уже достигла стеклянных дверей.

– Ужинать пойдем? – подмигнул Барышев, пристраиваясь в ее конец. Саша и Анечка решили покамест пройтись по фойе.

– Если выживем после обеда. По мне, так лучше сухим пайком обойтись. У Серебряковой в сумках осетринка припрятана. Я заметил.

– В армии ты не был, Леонидов!

– Ошибаешься, был.

– Откуда тогда такие барские замашки?

– Богатых тоже убивают. Пока ходил по домам, согласно плану оперативно-розыскных мероприятий, приучили к деликатесам.

– Врешь, конечно! Дождешься от них, – покачал головой Барышев. – Ладно, пока наши женщины в фойе книжки посмотрят, пойдем, договоримся с администрацией о просмотре кассеты. Глядишь, и очередь рассеется.

– Видишь ли, Сережа, у меня ее больше нет, – сказал Алексей, уставившись в потолок.

– То есть как? А где ж она?

– Я ее пожертвовал в фонд почитателей любительской видеосъемки.

– Чего-о?

– Оставил в тумбочке в качестве приманки. И рыбка клюнула.

– Крупная рыбка?

– Ого-го! Толщины необъятной!

– А если на этой пленке то, что нам нужно, чтобы определить, кто убил Пашу?

– Это вряд ли.

– У вас, у сыщиков, конечно, свои методы, – разозлился Серега. – Но, по-моему, ты поступил глупо! Надо было сначала посмотреть пленку!

– Хватит психовать. Пойдем в коттедж, надо с чего-то начинать.

– Милиция приедет, она и начнет. А я сюда отдыхать приехал. Пойду, выплюсь хотя бы.

– Иди, иди. Может, выпишься – поможешь.

В это время подошла их очередь за собственной одеждой, оставленной в гардеробе. Барышев сдал номерки и получил куртки. Одевшись, подхватил под руки Аню и Сашу и повел их к дверям. Сережка побежал к коттеджу первым. Леонидов «опальтовался» и побрел следом. Может, прав Серега? И зачем он отдал кассету? С чего взял, что ничего интересного на ней нет? Алексей называл это интуицией, его жена – очередным заскоком.

Идущие впереди родные и близкие не обращали на него никакого внимания, и Алексей надулся. Вместо того чтобы идти в коттедж, он свернул на одну из тропинок. «Вот заблужусь, замерзну, заболею – будут знать!» – мстительно подумал он. Но после десяти минут прогулки замерзнуть и болеть ему расхотелось. Глупое занятие, если учесть, что на завтра запланирован бассейн.

Вскоре он вернулся в коттедж. Добравшись до своего номера, Леонидов обнаружил, что он пуст. Жена и Сережка, видимо, спустились в номер к Барышевым. Он вновь разо-

злился. Кинули! Никому не нужен! Он откинул одеяло и лег на кровать. Совсем ведь не спал сегодня! А после обеда особенно хотелось вздремнуть.

Еще больше хотелось, чтобы все решилось само собой. Придет к нему в комнату, например, человек, и скажет, что толкнул Пашу с балкона. Не нарочно, разумеется, а так, по пьяни. И, откровенно говоря, Леонидов эту версию охотно доказал бы. Несчастный случай, с кем не бывает? Паша сам виноват: не удержал равновесия. А рубашка порвана, потому что его хотели удержать от падения.

Он закрыл глаза и представил себе сладостную картину. Все благополучно завершилось. Мир восстановлен, справедливость восторжествовала. Против ожидания, заснуть он не мог. Ну не мог, и все тут! В голову лезли мысли, которые трудно назвать приятными.

Он ворочался с боку на бок, подминая под себя подушку, накрывался одеялом, пока не услышал в коридоре шаги и женские голоса. Алексей решил, что это Саша, и выскочил в коридор. Ему хотелось вернуть если не друга, то хотя бы жену.

Но это были Наташа Акимцева из бухгалтерии и озорная Марина. В руках у каждой была бутылка пива. В фойе работал буфет, видимо, там они и отоварились. Поскольку жены поблизости не было, Леонидов смело пошел вперед. Еще во время посещения офиса он заметил, что девушки очень хорошенькие. Одна темненькая, другая рыженькая, стройные,

длинноногие. Покойный А. С. Серебряков умел подбирать персонал.

– Здравствуйте, девушки! – жизнерадостно сказал Алексей.

– Мы сегодня уже встречались, – засмеялись они. – Пива не хотите?

У Леонидова в желудке «Мускат», замешанный на лаке для волос, до сих пор пытался заключить перемирие с водянистым картофельным пюре. Потому от пива он со вздохом отказался.

– Можно, я просто постою с вами?

– Мы же курим! – переглянулись девушки. Курить Алексей давно уже бросил.

– А я не курю, но охотно при этом присутствую. Токсикоманю потихоньку, а в таком приятном обществе эффект просто потрясающий!

– Compliments делаете? – заулыбались девушки.

– Подлизываюсь. А где ваши неотразимые мужчины?

– Пошли выяснять, когда можно пойти в бассейн. Здесь, оказывается, все по расписанию, да еще обязательный медицинский осмотр. Без медицинской справки в бассейн не пустят. Представляете?

– Что смотрят? – озабоченно осведомился Леонидов.

– Ноги. На предмет грибка.

– Врач, конечно, мужчина? Я бы тоже посмотрел такие ножки, как ваши, на предмет грибка, естественно.

– Ха-ха! Мы не против!

– Тише! – Алексей оглянулся с видом заговорщика. – Жена где-то рядом. Поэтому посерьезней, девушки. Да и обстоятельства тоже не располагают к веселью. Что, жалко вам Павла Петровича? Скорбите?

– Еще бы! Наверное, из санатория нам придется поехать прямо на биржу труда. Теперь Валера Иванов просто всех слопает. Или Норе компанию составим, будем вместе искать богатых покровителей. Она теперь тоже в минусах. Что-то и не появлялась сегодня. И есть не хочет, – сказала Наташа.

– Как же! Была без пяти минут жена, а теперь осталась на бобах. Так, что ли, девочки? – поддержал интересную тему Алексей.

– Жена! – фыркнула Наташа.

– Подумаешь, фея! Строит из себя! Ее бы, как нас, в общественный транспорт, да на работу с десяти до семи! – зло сказала Марина.

– К тому же, Паша ей почти уже дал отставку, – пропела Наташа.

– А вы откуда знаете?

– Кому, как мне этого не знать! Он последнее время от Норы бегал, – фыркнула Марина. – Просил меня отвечать, что уехал в банк, или на переговоры, а Нора его даже в офис приезжала караулить. Вот так. Сцены закатывала.

– Что же, он не мог прямо сказать девушке, что не собирается поддерживать с ней никаких отношений?

– А вы пробовали избавиться от такой пиявки, как Нора? Думаете, у нее есть гордость? Во-первых, ей целыми днями нечего делать, а, во-вторых, нечего терять. Она такие спектакли в офисе устраивала!

– Как интересно! Расскажите?

Марина поправила прическу и облизнула губы. От выпитого пива щеки ее слегка порозовели, и она с большой охотой поведала Алексею следующее:

– Когда я сообщала Норе, что Паша в банке, или еще где-нибудь, она почти всегда являлась в офис. Проверяла. Если охрана знает, что пришла любовница коммерческого директора, то пускает ее беспрепятственно. Последнее время Паша, правда, поуменел и велел ее заворачивать, но эта *особа* через любые кордоны прорвется. Может и в торговом зале покараулить, или на улице. Она любит эффектные и неожиданные появления. Паше стыдно стало прятаться, да и подчиненные начали смеяться, поэтому самые душераздирающие сцены происходили в его кабинете, за закрытыми дверями. Но я-то слышала! Нора обычно устраивала сцену ревности и без конца поминала какую-то престарелую шлюху, к которой Паша якобы таскается тайком вместо того, чтобы ездить по делам.

– Она знала, кто эта женщина?

– Конечно! Выследила любовничка давным-давно. Дама оказалась замужней, причем, и Нора все время угрожала, что донесет мужу и тогда обоим конец. Пашу трясло от ее

воплей. Сама видела, как зеленел от испуга наш очаровательный коммерческий директор! Потому он ее и не бросал.

– Да мало ли мужей носят рога. Пусть бы и рассказала.

– Пусть. Но это не просто муж, а партнер по бизнесу, личный друг Серебряковой, и лицо, в котором фирма весьма заинтересована.

– И как имя благодетеля?

Марина замялась:

– Все-таки я еще на работе, понимаете?

– Бережете коммерческие тайны? Ладно, я и так уже догадываюсь. А дама эта часто Павлу звонила?

– Только на сотовый. Он сразу запирился в кабинете, когда с ней разговаривал.

– Серьезное дело!

– Только зря вы думаете, что Пашу из-за этого убили. Норка не сумасшедшая, она только пугала. Могла, конечно, чужими руками все сделать, но чтоб самой убить Пашу! Она не такая дура. Себя бережет. Пашу Валера столкнул.

– Вы это видели?

– Нет, не повезло, – с откровенным сожалением сказала Марина. – Мы спали. Так наплясались вчера, что даже на любовь сил не осталось.

– Да что вы? Такие молодые, энергичные девушки...

– Зато мальчишки у нас не энергичные. Я своего Кольку едва отволокла вчера в номер. Он так напился, что мне пришлось к Ольге ночевать уйти.

– Так он же с младшим Ивановым заселился, – удивился Алексей. – Вам, Мариночка, и места у них в комнате не было.

– Вот как раз младший Иванов там, куда я отнесла Николая, не наблюдался. Не знаю, может, он под утро объявился? Я сама, как пришла в номер к Ольге, так и упала без сил. Ничего не слышала. Прямо, как труп! Ой! – Марина вдруг вспомнила про Пашу и осеклась.

– А где же все-таки был этой ночью Александр Иванов? – глубокомысленно спросил Алексей.

– Спросите что-нибудь полегче. В эту ночь, похоже, никто не ночевал там, куда заселился. Все так перемешались!

– Ну спасибо, обрадовали! Значит, лишь бы вещи куда-нибудь кинуть, а дальше начинается миграция? Я теперь в положении старушки с клубком перепутанных ниток: не знаю, за какой конец тянуть. Этот спал не там, где должен был спать, та комната, которая должна была быть пустой, оказывается самой популярной, женщины отправляются не к своим мужчинам. Куда тогда? Короче, черт знает что! Ваши соседки тоже с кем-то поменялись местами?

– Кто? Эльза с Елизаветой? Смеетесь! Лизу даже танцевать никто не приглашает, а Эльза так умирала по Паше, что над ней давно уже и смеяться перестали! Надоело.

– Да что вы?! Любвеобильный мужчина был этот коммерческий директор!

– Просто эффектный. Девушки ведь мечтают о принце на белом «Мерседесе», с кучей денег и смазливый лицом. Па-

ша был в стиле. Он это умел: пускать пыль в глаза. Хотя поговаривают, будто бы у него были долги.

– А вы разве не мечтаете? – усмехнулся Алексей. Как раз о долгах покойного коммерческого директора он знал больше, чем сотрудники фирмы.

– Мы работаем, нам мечтать некогда, – вздохнула Марина. – Да и без толку это. Паша был из тех мужиков, которые никогда не женятся.

– Ого! – удивился Леонидов. – А почему?

– Это Ольга так говорит. А она очень умная. И еще она говорит, что на себя надо надеяться. Красивых много. Но не всем везет.

– А что же Эльза? Вроде бы она – человек Иванова?

– Она сама по себе. Пока выгодно – его. Карьеристка, работать ей приходится много. А любить-то хочется! Значит, надо найти подходящий объект прямо на рабочем месте, вот она Пашу и приглядела.

– А он? Отвечал взаимностью? – уточнил Алексей. – Хоть когда-нибудь?

– Кому? Эльзе? – спросила Наташа Акимцева и рассмеялась. – Роман с непрестижной женщиной не в его стиле. Вы Нору видели? Паша предпочитает, чтобы в машине рядом с ним сидела разряженная кукла. А Эльза как одевается? Всегда в одной кофтенке, в старой юбке.

– Она же прилично зарабатывает, неужели не может купить дорогую одежду? – удивился Алексей.

– Ей это не поможет. Не знаю, куда Эльза деньги деваает, честное слово! – вмешалась Марина. – К нам в офис часто приходят коммивояжеры. Все сотрудницы покупают косметику, тряпки... А она... Все время жметя. Эльза скрытная, никому про свои дела не рассказывает, но, похоже, что Паша ее здорово отшил.

– Как она себя повела после этого?

– Да никак. По ней не поймешь.

– А, судя по тому, что рассказала Ирина Сергеевна, решила отомстить.

– Ой! – девушки переглянулись. – Слышите? Голоса внизу! Похоже, ребята возвращаются!

– А что, девушки, если я тоже пойду с вами в бассейн смывать похмелье? – спросил Алексей.

– Ой, конечно! Потом в волейбол можем поиграть!

– Почему же не в теннис?

– Мы любим массовый спорт. Народный. Присоединяйтесь!

И красавицы упорхнули. Леонидов готов был тоже последовать за ними. И в самом деле? Отчего бы и не бассейн? Но вдруг он увидел, как Ирина Сергеевна Серебрякова вышла из своего люкса и скрылась в соседнем, где расположились Калачевы.

«Значит, Нора сейчас одна. Похоже, пора прервать ее затянувшуюся истерику», – хмыкнул он и кинулся к люксу.

Увы! Дверь оказалась заперта! Алексей тихо, но настой-

чиво постучал:

– Нора, открой! Хватит на жалость давить: я-то тебе все равно не верю!

Пауза. Но ему почудилось, что за дверью люкса кто-то дышит. Алексей вдруг вспомнил ее фамилию и дурашливо сказал:

– Гражданка Прохорова, откройте представителю законной власти! Елена Сергеевна, вы опять живете не там, где прописаны?

Дверь неожиданно распахнулась. Нора вновь была в пеньюаре, но лицо у нее было помятое, губы не накрашены, ресниц осыпалась тушь.

– Опять ты?! – взвизгнула она. – Сколько ты мне, сволочь, крови попортил! Я вот доберусь до твоей жены и расскажу ей о твоих подвигах! Как ты спал с моей подругой! С проституткой Светкой! И меня хотел затащить в постель! Воспользовавшись служебным положением!

Это была ложь. Никогда он не пытался затащить ее в постель. Скорее, напротив. И Алексей разозлился:

– У тебя что, болезнь на всех доносить?

– Ублюдок милицейский! Я тебя не боюсь! Я такое про тебя расскажу, что тебя из органов попрут! А жена тебя бросит! – злорадно сказала Нора.

– Дура! – Алексей втокнул ее в номер и захлопнул дверь. – Ты хочешь, наверное, как твоя подруга Светлана, о которой ты упомянула, закончить молодую жизнь в руках

маньяка? Думаешь, люди слепые, не понимают, какой цирк ты тут изображаешь?

– Не твое дело!

– Психопатка!

Оба перевели дух. Леонидов с опаской приблизился к шипящей женщине:

– Все? – это оказалось далеко не все, потому что на него нацелились огромные сиреневые ногти. Злодейка метила в глаз. Алексею удалось перехватить ее руку.

– Врезать тебе, что ли, женщина? Соображаешь, куда когти свои суешь? Давай, успокаивайся, Елена Сергеевна. Ты как стресс снимаешь: пьешь, колешься, нюхаешь? Или на балалайке играешь по ночам?

– Ты бы заткнулся, ищейка милицейская, – вяло ругнулась Нора. – Дай сумочку, там пузырек с таблетками.

– Ого! – присвистнул Леонидов, увидев название. – Это ж сильнейшие транквилизаторы! И, конечно, без рецепта! Подруга, не удивительно, что ты такая нервная! Тебе доктор нужен, а не исповедник.

– Дай сюда, – она рванула у него из рук пузырек. – Если захочешь настучать, можешь не дергаться, у меня есть рецепт.

– Ну да, и письменное разрешение родителей стать законченной наркоманкой! Разумеется! Не сомневаюсь, что всевозможными бумагами ты запаслась.

Нора открыла пузырек нетерпеливо подрагивающими руками.

– А запить, Елена Сергеевна?

– Сок в тумбочке.

– Отлично! Кусаться больше не будем? – сказал он, подавая ей стакан с соком.

– Иди ты...

– Было уже. Ругаешься ты как-то не разнообразно, называется пробел в литературном образовании, – сказал он, присаживаясь в кресло. – Неужели это ты столкнула Пашу с балкона?

– Делать мне больше нечего. Я раньше тебя спать ушла.

– И тут же легла и уснула?

– Докажи, что не так.

– Я-то докажу. Не одна же ты по ночам в поисках возлюбленного гуляешь, сильфида ты моя неугомонная? Я даже догадываюсь, кто составил тебе компанию.

– Что, все утро в пепельницах копался, или в помойном ведре? Много использованных «тампаксов» отрыл?

– Ну, твоя работа куда грязнее моей. Ты дорогой шлюхой не родилась, была и дешевкой. Ведь так? Ты Пашу чем шантажировала, угрозой словесного описания ваших с ним постельных упражнений, или на видео снимала? Это сейчас модно.

– А раз модно, значит, никого этим не удивишь, – после таблетки Нора начала успокаиваться и постепенно впадала в состояние снулой рыбы. – Ничего я не собираюсь тебе докладывать, Леонидов.

– Я и без тебя знаю, что у Павла Сергеева была связь с Калачевой Екатериной Леонидовной. И прошлой ночью вы друг друга попеременно пасли. Не могла ты спокойно уснуть, потому как караулила свою до чертиков напившуюся собственность.

– Сволочь.

– Я устал от твоих оскорблений. Пожалуй, пора тебе покинуть матушку-столицу. Или ты заткнешься, и будешь отвечать на конкретные вопросы. – Судя по реакции Норы, уезжать на историческую родину, в деревню «Пеньки-Опенки», она не желала. – Когда Калачев увел свою жену, ты спать пошла?

– Да.

– А потом решила проверить на всякий случай?

– Да.

– Вернулась и ее встретила?

– Да.

– Знаешь, Елена Сергеевна, моя жена уже в пятом классе учит отвечать детей на вопросы посредством распространенных предложений. Постарайся вспомнить детство. Кто еще в это время спать *не ушел*?

Угроза выдворить ее из столицы сделала Нору на удивление покорной. Она зевнула и сказала:

– Не помню. Но постараюсь. Эльза с Лизой, кажется, еще сидели, Манцев, Маринка со своим мальчиком. Этот смазливый плейбой Юрка тоже крутился возле какой-то юбки, и

Пашка со стервой Катькой обжимался.

– Ты что, скандал устроила?

– Ха! Какой интерес скандалить по пьяной лавочке? Все равно никто не оценит. Стану я зря эмоции расходовать? Просто вывела Катьку в боковую комнату поговорить.

– Поговорили?

– Она мало что соображала, мычала, как корова. Она вообще много пьет, Катька, когда муж позволяет. Я пробовала ей пригрозить, но что толку? И чего это Катька вчера так напилась? Разве что Калачев тоже был здорово пьян.

– Долго ты пыталась с ней общаться?

– Я не дура. Как только поняла, что бесполезно, сдала на руки мужу. Он увел ее спать.

– И ты тоже спокойно удалилась спать?

– Ну, хорошо. Предварительно мы с Катькой выпили на брудершафт, и я бросила ей в стакан одну свою таблетку, чтобы скорее отрубилась. Устраивает?

– Ты что, ненормальная? А если бы ей плохо стало?

– Как видишь, не сдохла. Ненаказуемо.

– Больше никому ты своего зелья не давала?

– А что?

– У меня подозреваемых осталось бы гораздо меньше. Неужели Калачева стала с тобой пить, да еще на брудершафт?

– Если бы ты вспомнил, что сам вытворял, понял бы, что пьяные особенно склонны мириться с заклятыми врагами.

– Напомни, дорогая, кого я облобызал нынешней ночью?

– Не хочу. Если думаешь, что мне больше нечего было делать, как за твоими похождениями следить, то ты еще и дурак. Закончил свои расспросы, так убирайся, я посплю.

– Скоро катафалк прибудет. Ты с Пашей в город поедешь?

– Должен же кто-то подготовить его родителей. Да и не чужая я ему, надо подумать о похоронах. Отпустишь, Леонидов? – просительно сказала Нора.

– Убирайся. Я думаю, что неделю здесь никто и не выдержит, все разбежимся. Пропали Серебряковские денежки.

– А ты за нее не переживай. И, если хочешь знать мое мнение, то это Иванов Пашу с балкона столкнул.

– Все это утверждают, но никто не видел. Ты-то с чего на управляющего хочешь наехать?

– Не твое дело. Но против него я все, что угодно покажу.

– Ты злишься, что фирма из рук уплыла? Да, знатная у тебя была кормушка!

– А почему была?

– Похоже, Пашина смерть свела твои дивиденды к нулю.

– Это только ты считаешь, что я в тираж вышла, но на свете есть еще настоящие мужчины, – гордо заявила Нора.

Леонидов слегка оторопел:

– Кого ж ты еще зацепила, прелестное создание? Кто польстился?

– Кого надо. Я еще им всем покажу! Мое время еще только начинается, запомни, мент.

– Насчет оскорблений я тебя предупреждал?

– А разве ты при исполнении? – прищурилась Нора.

– С такими, как ты, я всегда товарищ старший оперуполномоченный.

– Ох, ох, ох! Ну, прости. Товарищ.

Леонидов не стал дальше с ней препираться. Что взять с дурехи? Но личность ее нового возлюбленного Алексея заинтересовала. Значит, Нора сюда приехала с далеко идущими планами. И выходит, что вчера все решали свои проблемы. Кроме него. И тихо мирно все было только на первый взгляд.

Дверь за ним никто запирать не стал.

Когда Алексей выходил из номера, неожиданно приоткрылась дверь того люкса, что находился напротив. Мадам Калачева стояла на пороге. Лицо у нее было помятое и испуганное. Ничем она не напоминала сейчас ту холеную даму, что встретила ему вчера вечером в холле. Леонидов поклонился и хотел, было, пройти мимо.

Но Калачева выскочила из номера и буквально в него вцепилась:

– Я знаю: эта шлюха поливала меня грязью! – возмущенно заговорила она. – И вы поверили, да?! Нашли, кого слушать! Да она меня ненавидит! Она мне завидует!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.